

М. ИСАКОВСКИЙ

29

М. ИСАКОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

М. ИСАКОВСКИЙ

*Собрание сочинений
в четырех томах*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Художественная литература»
Москва 1968

Р₂ (Поэз).
И-85

М. ИСАКОВСКИЙ

Собрание сочинений

Том второй

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПЕСНИ,
ФЕЛЬЕТНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Художественная литература»
Москва 1968

P2
И85

7-4-2
Подп. изд.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПЕСНИ

Я ВЫРОС В ЗАХОЛУСТНОЙ СТОРОНЕ

Я вырос в захолустной стороне,
Где мужики невесело шутили,
Что ехало к ним счастье на коне,
Да богачи его перехватили.

Я вырос там, где мой отец и дед
Бродили робко у чужих поместий,
Где в каждой хате — может, тыщу лет —
Нужда сидела на почетном месте.

Я вырос там, среди скурых полей,
Где все пути терялись в тумане,
Где матери, баюкая детей,
О горькой доле пели им заране.

Клочок земли, соха да борона —
Такой была родная сторона.
И под высоким небом наших дней
Я очень часто думаю о ней.

Я думаю о прожитых годах,
О юности глухой и непогожей,
И все, что нынче держим мы в руках,
Мне с каждым днем становится дороже.

1941

ПЕЛИ ДВЕ ПОДРУГИ...

Пели две подруги,
Пели две Маруси,
Как осенним утрем
Улетали гуси;

Как прощались гуси
Со своим гнездовьем:
С речками, с лесами,
С тихим Приднепровьем;

И кричали гуси,
В небе пропадая,
Что всего дороже
Сторона родная...

*

Улетали гуси,
Лето закатилось,
По лесам брусника
В кузовок просилась;

По лесам орешник
Гнулся, безутешен,
И ронял орехи
Со своих орешин.

И пошли подруги
Тропами лесными,
Поднималось небо
Высоко над ними;

Осыпáлись липы,
Облетали клены,
Лист на землю падал,
Словно раскаленный;

Стлалася тропинка
Золотой каемкой,
И хотелось песни —
Ласковой, негромкой.

И внезапно в небе
Гуси прокричали
О разлуке тяжелой,
О своей печали.

Прокричали гуси
Над лесной округой,
Два пера на память
Сбросили подругам.

И подруги стали,
Головы закинув,
Словно две осенних,
Две лесных рябины.

И запели разом,
Стаю провожая,
Что всего дороже
Сторона родная...

1941

ДО СВИДАНИЯ, ГОРОДА И ХАТЫ...

(Походная)

До свиданья, города и хаты,
Нас дорога дальняя зовет.
Молодые смелые ребята,
На заре уходим мы в поход.

На заре, девчата, выходите
Комсомольский провожать отряд.
Вы без нас, девчата, не грустите, —
Мы придем с победою назад.

Мы развеем вражеские тучи,
Разметим преграды на пути,
И врагу от смерти неминуемой,
От своей могилы не уйти.

Наступил великий час расплаты,
Нам вручил оружие народ.
До свиданья, города и хаты, —
На заре уходим мы в поход.

1941

НАКАЗ СЫНУ

Мой сын родной! Прильни к земле скорей,
Услышь
Слезами залитое слово.
Мой сын родной! У матери твоей
Теперь — ни хлеба, ни земли, ни крова.

Пришли *они*, как черная чума,
Пришли
И кровью нашей упивались,
Угнали скот и подожгли дома,
Над старым и над малым надругались.

Где день, где ночь скитаюсь я одна
По выжженным лесам и перелескам...
Мой сын родной! А где ж твоя жена?
Мой сын родной! А где ж моя невестка?..

Сграбастали, схватили у двора
Погаными, разбойными руками:
Глумились до самого утра,
А там — прощай! — прикончили штыками.

Погибла сиротинушка твоя,
Замученная мукою жестокой...
Ее в могиле положила я
Лицом к тебе, лицом туда — к востоку.

Прильни к земле, и сквозь смертельный бой
Твоя душа услышит молодая,
Как плачет по тебе ее любовь,
Как плачет кровь, невинно пролитая.

Услышь, мой сын, и первым будь в бою, —
Круши, карай неистовую силу! —
За всех за нас, за родину свою,
За эту безответную могилу.

Уничтожай поганое зверье,
Пали огнем, дави его машиной! —
И в том благословение мое,
Которое навеки нерушимо.

1941

ПЕРЕД БОЕМ

У выжженной врагами деревушки,
Где только трубы черные торчат,
Как смертный суд, стоят литые пушки,
Хотя они пока еще молчат.

Но час придет, но этот час настанет,
И враг падет в смятение и тоске,
Когда они над грозным полем брани
Заговорят на русском языке.

1941

ЗИМА В ЧИСТОПОЛЕ

(Письмо друзьям)

Зимою очень холодно на Каме, —
Стоят морозы — нашим не под стать.
И мне, друзья, озябшими руками
Стихи свои невесело писать.

Но ничего другого не осталось,
И я пока другого не прошу;
У печки пальцы отогрею малость,
Да и опять пишу себе, пишу.

Пишу. А сердце все же не на месте:
Суровый год, тревожная пора.
С полночи жду очередных известий,
Хотя они приходят в шесть утра.

Все та же дума не дает покоя:
Как там на фронте, как дела с Москвой?
И если в сводке что-нибудь такое —
Весь день хожу с поникшей головой.

Так и живу — от сводки и до сводки —
В своем углу холодном и глухом.
Печали долги, радости корóтки,
Да что ж поделать, коль война кругом?

Другого, видно, не найти исхода, —
На чем пришлось, на том уж и стою...
Хожу на рынок в очередь за медом
И никогда его не достаю.

Дрова таскаю. Печь топлю в квартире,
Курю какой-то невозможный мох,
Варю и ем картошку в вицмундире,
Как выразился здешний педагог.

Жду не дождусь, когда под мирной кровлей
Вновь соберется тесный наш кружок,
И пью за ваше и свое здоровье,
Но, к сожаленью, только кипяток.

А там и ночь. Она приходит рано.
Ложись, смотри — какие хочешь — сны.
Скрипит мороз. В окно стучат бураны.
И все пути кругом замечены.

Но я, друзья, отнюдь не безутешен,
Хоть неприютно здесь и холод. ó,
Мне только жаль, что Гитлер не повешен, —
Его повесить надо бы давно.

5—10 декабря 1941 г.
Чистополь

В ОГНЕ ЗАВОДЫ...

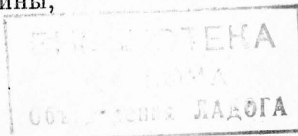
В огне заводы, села, полустанки,
Дрожит земля — идет жестокий бой...
Вам Гитлер дал орудия и танки,
И вы пришли в Россию на разбой.

Но вам не возвратиться из похода,
Насильники, сошедшие с ума! —
Дотла сожжет вас ненависть народа,
Заледенит безжалостно зима.

Метаться вам в отчаянье и страхе, —
Все ближе, ближе ваш последний час!
Уже давно смерётные рубахи
Ткачиха-вьюга выткала для вас;

Уже отходную запел вам ветер
На тысячи различных голосов,
Уже мороз выходит на рассвете
Командовать парадом мертвецов...

Нет, вам добром не кончить поединка,
Не выбраться живыми из страны,
Где весь народ, где каждая былинка
Встают на поджигателей войны,

Где гибель ждет вас у любого дома,
Грозится пулей каждое окно...
Пишите ж письма близким и знакомым,
Что вам назад прийти не суждено.

10 декабря 1941 г.
Чистополь

МЫ ШЛИ...

Мы шли молчаливой толпою, —
Прощайте, родные места! —
И беженской нашей слезою
Дорога была залита.

Вздымалось над селами пламя,
Вдали грохотали бои,
И птицы летели над нами,
Покинув гнездовья свои.

Зверье по лесам и болотам
Бежало, почуяв войну, —
Видать, и ему неохота
Остаться в фашистском плену.

Мы шли... В узелки завязали
По горстке родимой земли,
И всю б ее, кажется, взяли,
Но всю ее взять не могли.

И в горестный час расставанья,
Среди обожженных полей,
Сурово свои заклинанья
Шептали старухи над ней:

— За кровь, за разбой, за пожары,
За долгие ночи без сна
Пусть самою лютою карой
Врагов покарает она!

Пусть высохнут листья и травы,
Где ступит нога палачей,
И пусть не водою — отравой
Наполнится каждый ручей.

Пусть ворон — злоеющая птица —
Клюет людоедам глаза,
Пусть в огненный дождь превратится
Горячая наша слеза.

Пусть ветер железного мщенья
Насильника в бездну сметет,
Пусть ищет насильник спасенья,
И пусть он его не найдет

И страшною казнью казнится,
Каменья грызя взаперти...

Мы верили — суд совершится.
И легче нам было идти.

1942

СТАРИК

У вырванных снарядами берез
Сидит старик, а с ним собака рядом.
И оба молча смотрят на погост
Каким-то дымным, невеселым взглядом.

Ползет туман. Накапывает дождь.
Над мертвым полем воронье кружится...
— Что, дедушка, наверно, смерти ждешь?
Наверно, трудно с немцами ужиться?

Старик помедлил. Правую рукой
Сорвал с куста листочек пожелтелый.
— В мои года не грех и на покой,
Да, вишь, без нас у смерти много дела.

Куда ни глянь — лютует немчура,
Конца не видно муке безысходной.
И у меня вот от всего двора
Остался я да этот пес голодный.

И можно ль нам такую боль стерпеть,
Когда злодей всю душу вынимает?..
В мои года не штука помереть,
Да нет, нельзя — земля не принимает.

Она — я слышу — властно шепчет мне:
«Ты на погосте не найдешь покоя,
Пока в привольной нашей стороне
Хозяинничает племя нелюдское.

Они тебе сгубили всю семью,
Твой дом родной со смехом поджигали;
Умрешь — могилу тихую твою
Железными затопчут сапогами...»

И я живу. Своим путем бреду,
Запоминаю — что и где творится,
Злодействам ихним полный счет веду, —
Он в час расплаты может пригодиться.

Пускай мне тяжело. Это ничего.
Я смерть не позову, не потревожу,
Пока врага, хотя бы одного,
Вот этою рукой не уничтожу.

1942

НЕ У НАС ЛИ, ПОДРУЖЕНЬКИ..

(Песня о фашистской неволе)

Не у нас ли, подруженьки,
Под весенними зорями
Пели вечером девушки
О цветке о лазоревом?

Пели вечером девушки
О цветке о лазоревом,
Соловьи с гармонистами
До полуночи спорили.

Не по этой ли улице
С нами шла, горделивая,
Наша вольная волюшка,
Наша доля счастливая?

Наша доля счастливая
С нами шла, красовалась;
Не на нас ли, подруженьки,
Вся земля любовалась?

Словно коршуны злобные,
Налетели насильники,
Приднепровские пажити
Превратили в могильники.

Растоптали без жалости
Наш цветочек лазоревый,
Гармонистов повесили,
А девчат опозорили.

Дни и ночи без отдыха
Всех работать заставили,
За колючую изгородь
На мученье отравили.

Насмерть бьют нас прикладами,
Руки вяжут оковами,
Поливают нам головы
Всё дождями свинцовыми.

Где ж найти нам спасение
От злодея жестокого?..
Долети, наша жалоба,
До Кремля до высокого;

Расскажи ты там, горькая,
Как земля изувечена:
Как пожарами выжжена
И железом иссечена;

Как мы утром и вечером
Смотрим в даль заднепровскую —
Всё на ту на широкую
На дорогу московскую:

Может, знамя победное
Вдалеке заколышется,
Может, Красная Армия
Нам на выручку двинется.

Ждут ее, долгожданную,
И мужчины и женщины,
Ждут леса белорусские,
Ждут пригорки Смоленщины.

Все навстречу ей кинется,
Все навстречу ей тронется,
В ноги нашей защитнице
Каждый кустик поклонится.

Стихнет боль всенародная
И печаль всенародная,
И навеки окончится
Эта ночь безысходная.

1942

ПРОЩАЛЬНАЯ

Далекий мой! Пора моя настала.
В последний раз я карандаш возьму...
Кому б моя записка ни попала,
Она тебе писалась одному.

Прости-прощай! Любимую веснянку
Нам не певать в веселый месяц май.
Споём теперь, как девушку-смолянку
Берут в неволю в чужедальний край;

Споём теперь, как завтра утром рано
Пошлют ее по скорбному пути...
Прощай, родной! Забудь свою Татьяну.
Не жди ее. Но только отомсти!

Прости-прощай!.. Что может дать рабыне
Чугунная немецкая земля?
Наверно, на какой-нибудь осине
Уже готова для меня петля.

А может, мне валяться под откосом
С пробитой грудью у чужих дорог,
И по моим по шелковистым косам
Пройдет немецкий кованый сапог...

Прощай, родной! Забудь про эти косы.
Они мертвы. Им больше не расти.
Забудь калину, на калине росы,
Про все забудь. Но только отомсти!

Ты звал меня своею нареченной,
Веселой свадьбы ожидала я.
Теперь меня назвали обреченной,
Лихое лихо дали мне в мужья.

Пусть не убьют меня, не искалечат,
Пусть доживу до праздничного дня,
Но и тогда не выходи навстречу —
Ты не узнаешь все равно меня.

Все, что цвело, затоптано, завяло,
И я сама себя не узнаю.
Забудь и ты, что так любил бывало,
Но отомсти за молодость мою.

Услышь меня за темными лесами,
Убей врага, мучителя убей!..
Письмо тебе писала я слезами,
Печалью запечатала своей...

Прости-прощай!..

1942

КАЛИНА

(По народным мотивам)

Помнишь — на пригорке,
В стороне родной,
Расцвела калина
Над рекой Десной.

Расцвела калина
Над рекой Десной.
Прилетал к калине
Соловей лесной.

Прилетал, залетный,
На нее взглянуть,
До утра калине
Не давал заснуть.

Слушала калина,
Словно замерла, —
Вся в цвету весеннем,
Вся белым-бела...

Помнишь — у калитки,
У ворот с резьбой,
В сумерки встречалась
Девушка с тобой?

В сумерки встречалась,
На берег вела.
На заре прощалась,
Как заря, светла;

Легкая, взлетала
На крыльцо свое.
И назвал ты счастье
Именем ее.

Было этим счастьем
Все вокруг полно...
Где же это счастье,
Где теперь оно?

Злая нелюдь вражья
По земле прошла,
Белая калина
Замертво легла.

Над рекой калине
Больше не шуметь.
Соловью весною
Некуда лететь.

Обвила калину
Лютая змея,
Отдана в неволю
Девушка твоя.

Отдана в неволю —
Плакать целый век
У чужих, постылых,
У немецких рек.

Не встречаться больше
Вам в родном краю,
Коль живым оставишь
Недруга в бою;

Коль не вгонишь в землю,
Коль простишь ему, —
Не придет подруга
К дому твоему.

Не придет, не выйдет
На реку Десну,
А тебя навеки
Проклянет в плену.

Так возьми ж скорее
Верное ружье,
Из неволи счастье
Вызволяй свое;

Стань орлом могучим
Против воронья,
И к тебе вернется
Девушка твоя;

Над рекой Десною,
Над родным селом
Загремит весенний
Соловьиный гром;

Зацветет калина,
Зашумит камыш...
Разве ж ты забудешь?
Разве ж ты простишь?

1942
Чистополь

ЛЕТЕЛИ НА ФРОНТ САМОЛЕТЫ...

Летели на фронт самолеты,
Над полем закат догорал.
И пели бойцы на привале,
Как сокол в бою умирал.

Бесстрашно он бился с врагами
За счастье советской земли,
Но грудь ему пулей пронзили,
Но крылья ему подожгли.

И раненый сокол воскликнул:
— Пусть я погибаю в бою, —
Они дорогою ценою
Заплатят за гибель мою!

И ринул на вражьи гнездовья
Два жарко горящих крыла.
Его соколиная гибель
Всю землю кругом потрясла.

Спалил он разбойную нечисть,
Развеял, как пепел и дым,
Последним движением сердца,
Последним дыханьем своим.

Летели на фронт самолеты,
Над полем закат догорал.
И пели бойцы на привале,
Как сокол в бою умирал.

Май, 1942

СЛОВО ГНЕВА

Гитлеровской Германии

Чем ты стала отныне, Германия,
Смрадным дымом заставляя свет? —
Нет твоим преступлениям названия,
И конца злодеяниям нет.

Превращенная в темное логово
Людоедов, коричневых псов, —
То не ты ли разбойной дорогою
Посылаешь своих молодцов?

Не они ли ножами безлунными,
Выползая из нор и засад,
С кистенями своими чугунными
За богатой добычей спешат?

Не они ли ограбили начисто
Всю Европу — из края в край?
Не твое ли тупое пруссачество
Всей земле говорит: умирай!

Неступленную пытку кровавую,
Стон растерзанных жен и детей
Именуешь ты воинской славою,
Именуешь победой своей.

Все разбойное, хищно-звериное
Ты вписала в свой черный закон;
Лай собачий, шипенье змеиное
Ныне стали твоим языком.

Всеми проклята, всем ненавистная,
Ты живешь, ничего не любя.
Как от дерева смерти безлистого,
Отвернулась земля от тебя.

Пусть еще твои выродки мечутся,
Пусть! Но знай, что наступит предел:
Дел твоих не простит человечество,
От которых весь мир поседел.

От расплаты тебе не избавиться,
Не укрыться стальной скорлупой, —
И живые и мертвые явятся,
Чтобы суд совершить над тобой.

Все поднимется, двинется, вздыбится,
Забушует, как огненный смерч —
И Париж, и Варшава, и Лидице,
И Одесса, и Киев, и Керчь.

И когда они спросят, Германия, —
Что ты можешь придумать в ответ?
Что ты скажешь в свое оправдание,
Коль тебе оправдания нет?

Чем оплатишь ты счет нескончаемый,
Счет, написанный кровью людской?
Чем ты смоешь позор несмываемый
Со своей головы воровской?

Ты, вонзившая ржавое лезвие
В грудь земли — от морей до морей,
Никуда не уйдешь от возмездия,
Как от собственной тени своей.

Ни единой кровинки, ни волоса
Не простим твоему воронью!
И нигде ни единого голоса
Не раздастся в защиту твою.

Воздадим, что тебе полагается,
Беспощадной и твердой рукой...
Поздно будет, Германия, каяться,
Как дошла ты до жизни такой.

1942

НОЧЬ

...Ну, вот и к нам пришла война
Под самые ворота...
Опять всю ночь, не зная сна,
Сидим и ждем чего-то.

В потемках жмемся по углам —
Пока еще живые.
А немцы — тут, а немцы — там, —
Как псы сторожевые.

Сидим, глядим. А сердце мрёт,
И нет ни в чем поруки.
Сидим и ждем — кому черёд
Идти туда — на муки;

Кому наутро подадут
Немецкую бумагу,
Кого солдаты поведут
Расстреливать к оврагу;

Каких девчат в тот самый дом
Возьмут, чтоб онозорить...
Сидим и ждем, сидим и ждем,
И негу горше горя!

И скоро ль эта ночь пройдет —
Никто, видать, не знает, —
Петух нигде не запоет,
Собака не залает.

Все словно вымерло кругом,
Замолкло и застыло.
Один лишь ветер за окном
Да говор их постылый.

Одна печаль по всем дворам,
Одна у всех забота...
Как быть теперь? Что делать нам?
А делать нужно что-то.

Уйти, бежать — дороги нет,
А их повсюду много.
Пошлют шальную нулю вслед, —
И кончена дорога.

Остаться здесь — и здесь возьмут,
Как многих позабрали,
Загонят в каторжный хомут, —
И поминай, как звали...

Вот и живи, вот и казись,
В неволе изнывая...
Услышь, откликнись, отгукнись,
Страна моя родная!

Пускай твоя благая весть
Придет сюда как чудо!
Пускай какая ни на есть,
Но только бы оттуда...

1942

В ПРИФРОНТОВОМ ЛЕСУ

Лиде

С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забыты,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом;

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черед, —
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час,
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не устрашит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черед, пришла пора, —
Идем, друзья, идем!
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем;

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!

1942

ОЙ, ТУМАНЫ МОИ...

Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родные леса и луга!
Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага.

На прощанье сказали герои:
— Ожидайте хороших вестей. —
И на старой смоленской дороге
Повстречали незваных гостей.

Повстречали — огнем угощали,
Навсегда уложили в лесу
За великие наши печали,
За горючую нашу слезу.

С той поры да по всей по округе
Потеряли злодеи покой:
День и ночь партизанские выюги
Над разбойной гудят головой.

Не уйдет чужеземец незванный,
Своего не увидит жилья...
Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родная сторонка моя!

1942

ОТЦОВСКИЙ ДОМ
РАЗГРАБЛЕН И РАЗРУШЕН...

Отцовский дом разграблен и разрушен,
В огне, в дыму Смоленщина моя.
Кругом война. И, в руки взяв оружие,
Спешат на фронт и братья и друзья.

И горько мне, что я — больной и хворый,
Что без меня идут они на бой,
На бой за родину, судьба которой
Навеки стала нашею судьбой.

Глаза мои померкли раньше срока,
Слабей, слабей заря моя горит.
И тяжелее тяжкого упрека
Нерадостное слово — инвалид.

О, если б не было его в помине! —
Хоть сотни верст прошел бы я пешком,
Чтоб где-нибудь у города Медыни
Поговорить по-своему с врагом;

Чтоб за свою Смоленщину родную
Его огнем смертельным опалить,
Чтоб в русскую могилу ледяную
Загнать и сверху камень навалить!

Но мне в бою не встретиться с врагами,
В огне войны не мчаться напролом, —
Сиди, терпи, как в поле на кургане
Степной орел с простреленным крылом.

А дни бегут. А сила не вернется.
А старость бродит по моим следам...
Пусть будет так. Но все же сердце бьется,
И это сердце — без остатка — там.

Оно слышало первые удары
Стального грома вражьих батарей,
Оно вдыхало черный дым пожаров,
Оно видало слезы матерей;

Оно в себя впитало боль и стоны
Людей, сожженных на костре живьем.
И слово мести — жгучей, непреклонной —
В глухую полночь зародилось в нем.

И я как знамя поднял это слово,
Живое слово сердца моего.
И я зову, чтоб в дни борьбы суровой
Никто из нас не забывал его;

Чтоб вместе с ним в январские метели
Шли партизаны тайною тропой;
Чтоб вместе с ним громили вражьи цели
Артиллеристы, начиная бой;

Чтоб от него кругом земля пылала,
Чтобы врагу оно закрыло путь,
Чтоб силой и отвагой небывалой
Оно бойцам переполняло грудь.

И, может быть, боец на поле бранию,
Услышав слово правое мое,
Смелей направит штык четырехгранный,
Верней нацелит меткое ружье.

И, может быть, подкараулив ката,
Не пожалеет партизан огня
И сверх всего пошлет еще гранату,
И та граната будет за меня.

1942

МСТИТЕЛИ

Уже промчались многие недели,
Но этот день никто забыть не мог...
Здесь даже сосны с горя поседели,
Здесь даже камни плачут у дорог.

Как позабыть, когда пылали хаты,
Когда качались мертвецы в петле,
Когда валялись малые ребята,
Штыками пригвожденные к земле?

Как позабыть, когда слепого деда,
В зверином иступлении своем,
К двум танкам привязали людоеды
И разорвали надвое живьем?

Забыть нельзя! И мы не позабыли,
Убийцам не простили ничего.
И пусть нам трубы сбора не трубили, —
На сбор пошли мы все до одного.

Сходились мы, чтоб под столетним дубом
У стариков совета попросить.
И те сказали: племя душегубов
Земля не может на себе носить!

И под родным, под белорусским небом
Мы поклялись за мертвых и живых,
И в ту же ночь в стальную книгу гнева
Огнем вписали вражьих часовых.

С тех пор злодеев полегло немало, —
Навек нашли убежище свое!
Повсюду гибель их подстерегала,
Хотя они не видели ее.

Она ждала их в поле и в дубраве,
Глядела из-за каждого куста,
Она рвала мосты на переправе
И под откос пускала поезда.

Она косила, псов, из пулемета,
И сколько их покошено — сочти!
Она вела их в топкие болота,
Откуда нет обратного пути.

Она их на ночь в хату приводила,
Пила водкой, клала на кровать;
Когда же солнце поутру всходило —
С кровати было некому вставать.

Мы поклялись: и в летний зной, и в стужу
Им не давать покоя ни на миг.
Мы поклялись: не складывать оружия,
Пока живет хотя один из них!

И мы своей не уронили чести,
Не позабыли славы боевой, —
И днем и ночью пламя нашей мести
Над вражеской бушует головой.

1942

ПРИПОМНИМ, ДРУЗЬЯ И ПОДРУГИ

Посвящается П—скому заводу

Сегодня, на празднике людном,
Мы с вами припомним, друзья,
Как двигалась в путь многотрудный
Рабочая наша семья;

Как смертью враги нам грозили,
Как шли в Подмоскovie бои,
Как мы под бомбежкой грузили
Станки заводские свои;

Как, сидя в теплушках на сене,
Глядели мы в сумрак ночной,
Как где-то в тумане осеннем
Остался наш город родной...

Припомним, друзья и подруги,
Расскажем без всяких прикрас,
Какие свирепые выюги
На пристани встретили нас;

Как в старой нетопленной школе
Мы жили у мертвой реки,
Как сердце сжималось от боли,
Что снег заметает станки;

Что к ним не придут пароходы
Ни с этой, ни с той стороны,
Что дальше нам не было ходу,
Быть может, до самой весны...

Припомним, друзья и подруги,
Как ночи и дни напролет
По той незнакомой округе
Искали мы с вами подвод;

Как тяжело тащили на сани
Железную грузную кладь, —
Тащили и падали сами
И, вставши, тащили опять;

Как вдаль — по полям, по откосам,
По длинной дороге степной —
Пошли, потянулись обозы
На целые версты длиной.

Весь свет застилала пороша, —
Пройдешь — и не видно следов...
И все же мы вынесли ношу,
В которой сто тысяч пудов;

И все же — хоть тяжело нам было —
Спасли, отстояли завод.
И вот он — на полную силу
Работает, дышит, живет!

Товарищи, вспомним об этом
И будем тверды до конца!
И пусть торжествующим светом
Наполнятся наши сердца;

Пусть душу согреет сознание,
Что мы ни на шаг, ни на миг
В суровые дни испытанья
Не сдали позиций своих;

Что мы никому не давали
Позорить рабочую честь
И что в фронтовом арсенале
И наше оружие есть,

И наше грохочет громами
В годину великой войны...
Когда-то мы делали с вами
Часы для советской страны;

Когда-то в уюте квартирном,
В спокойные ясные дни,
На стенах, на столике мирном
Секунды считали они.

Но в наши дома оголтело
Вломились фашистские псы,
И родина нам повелела
Готовить иные часы —

Часы со смертельным заводом
Для тех, кто пошел на грабеж,
Для тех, кто над нашим народом
Занес окровавленный нож;

Часы для злодеев матерых,
Что кровь неповинную льют,
Часы, после боя которых
Враги никогда не встают.

Так что же, друзья и подруги, —
Пусть будет работа дружна!
Пусть наши проворные руки
Похвалит родная страна;

Пусть станет убийцам грозой
Советский завод часовой,
Пусть плачут кровавой слезой
Они над своею судьбой;

Пусть ночи встают гробовые
Над тем, кто нацелился в нас,
Пусть наши часы боевые
Пробьют его смертный час!

1942

СТАРИК НЕЧАЙ

Ты что ж решил: Нечай — старик,
Нечаю все равно?!
Старик, да жить трудом привык...
Вот то-то и оно!

Не в те ударил ты опять,
Не в те колокола:
К чему года мои считать, —
Ты б сосчитал дела!

Я, может, хлеба одного
Взрастил за долгий век, —
Что если в гурт собрать его, —
Так что там твой Казбек!

А хлеб какой! Отборный сплошь,
Лежит — к зерну зерно.
Возьмешь в ладони и замрешь...
Вот то-то и оно!

А сколько сена дал Нечай
С бригадою своей?
А сено ж пахло, словно чай, —
Заваривай и пей!

Что тут, что там — я первым был,
Не сплеховал Нечай.
Да ты, как видно, позабыл,
Где здравствуй, где прощай.

И вышло так, что я сейчас
Остался в стороне, —
Знать, на смех курам ты припас
Такую должность мне:

Весной в поля пойдет народ,
А я — сиди с дубьем,
Спасай, вояка, огород
От кур да воробьев!

Добился почести людской,
Дождался, старина...
Да мне ж, при должности такой,
Житья не даст жена.

«Ты, — скажет, — что ж, любезный муж,
Совсем сошел на пет?..»
И стыдно будет мне к тому ж
На фронт писать ответ.

На фронте сыну моему
Два ордена дано, —
Читал, наверно, почему...
Вот то-то и оно!

А чем хвалиться стану я? —
Живу, мол, без забот,
Мол, вместо чучела меня
Послали в огород...

Как будто впрямь я вышел весь,
Добился до конца.
Приятна, что ль, такая весть
Для красного бойца?

Пусть я старик, но никакой
Не вижу в том беды:
Давно известно — старый конь
Не портит борозды.

И ты меня не обижай,
Ты дай бригаду мне:
Такой получим урожай —
На диво всей стране.

Уж тут позиций не сдадим,
В кусты не удерем,
А то еще и молодым,
Пожалуй, нос утрем.

Уж если слаб я бить врага,
Никак не подхожу,
Так хлеб растить, косить луга —
Всю душу положу!

Все, как на фронте, будет в срок,
Все, как и быть должно:
Нечай в работе знает прок...
Вот то-то и оно!

УРОЖАЙ

Словно вешняя дубрава
В теплый ясный месяц май,
Зашумела наша слава —
Наш колхозный урожай.

За него мы клятву дали
В грозном нынешнем году,
Для него ночей не спали,
Забывали про еду.

Для него в поля родные
Торопился стар и мал,
Чтоб колосья золотые
Он полнее наливал.

И смотрите — в летнем зное
Он встает у всех дорог,
Перекатною волною
Ходит вдоль и поперек.

Труд людской не сгинул даром, —
С хлебом будет вся страна,
Будут полные амбары
Первосортного зерна.

И оно рекой польется
К тем, о ком земля поет, —
Кто с врагом бесстрашно бьется,
Кто оружие кует.

И его живые соки
Переполнят грудь бойца.
И боец в борьбе жестокой
Будет стойким до конца.

Набирайся ж силы грозной,
Прогнуми из края в край,
Наш военный, наш колхозный,
Наш победный урожай!

Июнь, 1942

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН КРАСНОАРМЕЕЦ

Куда б ни шел, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись.

Кто б ни был ты — рыбак, шахтер,
Ученый иль пастух, —
Навек запомни: здесь лежит
Твой самый лучший друг.

И для тебя и для меня
Он сделал все, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А родину сберег.

1942

ОТТУДА

В далекий путь собравшись втихомолку,
Старуха ночью вышла из села, —
Взяла ведро, взяла еще кошелку
И за собой корову повела.

Забыла все — и годы и усталость,
Не побоялась никаких невзгод.
И одного лишь, кажется, боялась,
Что вдруг ее корова заревет.

Услышат немцы — и пропало дело! —
Убьют, замучат иль сведут с ума...
Но тут уж и корова не редела,
Как будто знала, чуяла сама.

Так шли они из вражеского тыла
Вдали от сел, вдали от деревень —
Туда, где солнце по утрам всходило,
Туда, откуда начинался день.

Так шли они нехоженой тропой —
От леса к лесу, от ручья к ручью...
В пути старуха свежую травой
Кормила щедро спутницу свою,

Водою родниковою поила
И, словно дома, в тот же самый срок,
Под старыми березами доила,
Усевшись на какой-нибудь пепек.

И с горькой думой, в тихий час привала,
Пила неторопливо молоко
И снова в путь корову поднимала:
— Идем, идем! Теперь недалекó.

Идем, идем! Авось дойдем живые,
На счастье на старушечье мое... —
На третьи сутки наши часовые
Увидели, окликнули ее.

— Свои, свои! — Она остановилась
С коровою, с кошелкою, с ведром.
Смущенная, пеловко поклонилась:
Вот, мол, пришла со всем своим двором...

Пред ней бойцы столпились полукругом:
— Куда идешь, куда шагаешь, мать?
— Куда ж идти, — ответила старуха, —
Иду-бреду судьбу свою искать.

Иду-бреду, несу свои печали... —
И голос вдруг осекся и погас,
И мелкой дрожью губы задрожали,
И слезы, слезы сыпались из глаз.

Бойцы старуху отвели в землянку,
Стараясь обласкать наперебой.
Достали хлеба свежую буханку
И вскиняли чайник фронтовой

— А ну-ка, мать, попробуй нашей пищи,
А мы с тобою рядом посидим.
Уж мы теперь судьбу твою разыщем,
Уж мы тебя в обиду не дадим!

Освоилась старуха, осмотрелась —
Хорошую нашла она семью!
И вдруг сказала:

— Что ж я тут расселась?
А я ж пойду корову подою.

И вскоре с материнскою заботой
Она бойцов поила молоком,
И говорила, говорила что-то,
И называла каждого сынком.

1942

«КРУТИТСЯ, ВЕРТИТСЯ ШАР ГОЛУБОЙ...»

1

Лесом, полями — дорогой прямой
Парень идет на побывку домой.

Ранили парня, да что за беда?
Сердце играет, а кровь молода.

— К свадьбе залечится рана твоя, —
С шуткой его провожали друзья.

Песню поет он, довольный судьбой:
«Крутится, вертится шар голубой;

Крутится, вертится, хочет упасть...»
Ранили парня, да что за напасть?

Скоро он будет в отцовском дому,
Выйдут родные навстречу ему;

Станет его поджидать у ворот
Та, о которой он песню поет.

К сердцу ее он прильнет головой...
«Крутится, вертится шар голубой...»

Парень подходит. Нигде никого.
Горькое горе встречает его.

Черные трубы над снегом торчат,
Черные птицы над ними кричат.

Горькое горе, жестокий удел! —
Только скворечник один уцелел.

Только висит над колодцем бадья...
— Где ж ты, родная деревня моя?

Где ж эта улица, где ж этот дом,
Где ж эта девушка, вся в голубом?

Вышла откуда-то старая мать:
— Где же, сыночек, тебя принимать?

Чем же тебя накормить-напоить?
Где же постель для тебя постелить?

Все поразграбили, хату сожгли,
Настю, невесту, с собой увели...

В дымной землянке погас огонек,
Парень в потемках на сено прилег.

Зимняя ночь холодна и длинна.
Надо бы спать, да теперь не до сна.

Дума за думой идут чередой:
— Рано, как видно, пришел я домой;

Нет мне покоя в родной стороне,
Сердце мое полыхает в огне;

Жжет мою душу великая боль.
Ты не держи меня здесь, не пеголь, —

Эту смертельную муку врагу
Я ни забыть, ни простить не могу...

Из темноты отзывается мать:
— Разве же стану тебя я держать?

Вижу я, чую, что сердце болит.
Делай, как знаешь, как совесть велит...

4

Поле да небо. Безоблачный день,
Крепко у парня затянут ремень;

Ловко прилажен походный мешок;
Свежий хрустит под ногами снежок;

Вьется и тает махорочный дым, —
Парень уходит к друзьям боевым.

Парень уходит — судьба решена, —
Дума одна и дорога одна...

Глянет назад: в серебристой пыли
Только скворечник маячит вдали.

Выйдет на взгорок, посмотрит опять —
Только уже ничего не видеть.

Дальше и дальше родные края...
— Настенька, Настенька — песня моя!

Встретимся ль, нет ли мы снова с тобой?
«...Крутится, вертится шар голубой...»

1942

ОГОНЕК

На позиции девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца.

И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

Парня встретила славная
Фронтная семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.

Но знакомую улицу
Позабить он не мог:
— Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонек?

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет;

Все, что было загадано,
В свой исполнится срок, —
Не погаснет без времени
Золотой огонек.

И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего
От ее письма.

И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За советскую родину,
За родной огонек.

1942

ПИСЬМО ПО РАДИО

Родной мой батя! Шлем тебе поклон —
И я, и мать, и дедушка Семен.

Всего хорошего тебе желаем,
А где ты сам — про это мы не знаем.

Да к нам тайком — видать, для важных дел —
Один советский летчик прилетел.

И он сказал, что сможет мой листок
В Москву доставить в подходящий срок.

И там его по радио прочтут,
Чтоб ты узнал, как нам живется тут.

И я листок пишу на пне дубовом...
Пока что все мы живы и здоровы;

Одна беда — ни хаты, ни двора, —
Взорвала все, спалила немчура.

А перед тем повыгребли картошку,
Забрали хлеб, обувь и одежду.

Затем хотели всех, как есть, под стать
На каторгу в Неметчину сослать.

А тех, кто подчиняться не желал,
По чем попало били наповал.

И наша б тоже очередь пришла,
Да мы уйти успели из села.

Хоть кое-как, но вырвались живьем...
Теперь в лесу под елками живем.

Большой шалап поставили себе,
Приладили почти что как в избе.

Никто не мучит нас, не понукает,
Досадно только — крыша протекает,

Да не дают покоя муравьи,
Да заползли недавно две змеи.

Но как-никак, а все-таки затишно,
И немчуры не видно и не слышно:

Они ходить боятся по лесам, —
Здесь партизаны — понимаешь сам.

Теперь одна осталась нам забота:
Что день, что ночь — уж очень есть охота.

Одни грибы — вот он и весь обед.
А соли тоже ни крупицы нет.

Вот если б клюква — это было б дело!
Да клюкве — рано. Клюква не поспела.

Орехи тоже, словно на беду,
Совсем пропали в нынешнем году.

Весь день проходишь — все одно и то ж:
Ни одного ореха не найдешь.

Дед говорит, коль не случится чуда,
То нам уже не выбраться отсюда:

Все перемрем — и он, и я, и мать,
И некому нас будет закопать.

А я и думать о таком боюсь...
Ужель тебя и вправду не дождусь?

Ужели ж нам валяться на земле,
А эти будут бражничать в селе?..

Родной мой батя! Бей ты их скорей! —
Они же, звери, хуже всех зверей.

И если их не задушить, гадюк,
Тогда уж верный будет нам каюк.

Вот скоро лето подойдет к концу, —
А как же нам зимою жить в лесу?

Где нам согреться, как завоеет вьюга?
На всех троих у нас одна дерюга,

Да три мешка, да лапти сплел нам дед,
А больше ничего такого нет...

А немцам что ж? Они в тепле живут,
Сидят себе да наше сало жрут...

Родной мой батя! Бей ты их, собак! —
Иначе нам не встретиться никак.

И всем красноармейцам расскажи —
Какие здесь повсюду грабежи,

Как убивают жителей на месте,
Как мы в лесу живем с волками вместе.

Пускай красноармейцы день и ночь
Идут вперед и гонят подлых прочь.

Не то пабаш! Погибнем, словно мухи,
От холода, от лютой голодухи.

И так уж нам — ни охнуть, ни вздохнуть...
Родной мой батя! Сделай что-нибудь...

А я уж тут все силы напрогую
И буду ждать тебя, пока смогу...

Август, 1942

ОДНА ДОРОГА ЕСТЬ У НАС

Нет, ни терпеть, ни ждать нельзя, —
Я все решил давно!
Какой бы город враг ни взял —
Мне больно все равно;

На чей бы дом в степи донской
Ни сбросил он фугас, —
Я чувю, что взорвать и мой
Готов он хоть сейчас;

И чью б ни вырезал семью
Он — мастер черных дел, —
Я твердо знаю — и мою
Злодей в виду имел;

И чьих бы девушек и жен
Ни загонял в петлю, —
Я вижу — лапу тянет он
И к той, что я люблю.

Пока он жив — мне места нет
У мирного огня:
В кого б ни целил людоед, —
Он целит и в меня.

Пока он жив, все будет то ж, —
Не осушить нам слез:
Недаром он бандитский нож
Над всей землей занес.

Нам на одной планете жить
Нельзя с таким врагом!
Уж лучше голову сложить,
Чем стать его рабом,

Чем на себя ярмо надеть
На сто, на триста лет...
Нет! Победить иль умереть, —
Вот мой, друзья, ответ.

И я с сегодняшнего дня
К винтовке штык примкну:
Одна дорога у меня —
Дорога на войну;

Одна она меня зовет,
И я готов идти,
Чтоб полный счет, последний счет
С моим врагом свести;

Чтоб взять его в железный круг
И не пустить назад;
Чтоб выбить из поганных рук
Поганный автомат;

Чтоб смять, разбить, разворошить
Фашистских молодцов
И навсегда к земле пришить
Железом и свинцом!

На то иду, на том стою,
В том вся моя корысть.
Сломаю штык, приклад собью, —
Зубами буду грызть!

Пока живет фашистский бог —
Грабитель и палач, —
Нет у меня других дорог
И нет других задач.

А коль придется в битве пасть,
А коль погибну я, —
За нашу жизнь, за нашу власть
Пойдете вы, друзья;

Пойдете бить, кромсать и жечь,
Рубить его сплеча!
Пусть тот, кто первым поднял меч,
Погибнет от меча!

Пусть он найдет свой смертный час,
Получит все сполна!..
Одна дорога есть у нас,
Одна, друзья, одна.

Август, 1942

ПАРТИЗАНКА

Я весь свой век жила в родном селе,
Жила, как все, — работала, дышала,
Хлеба растила на своей земле
И никому на свете не мешала.

И жить бы мне спокойно много лет, —
Женить бы сына, пестовать внуочка...
Да вот поди ж, нашелся людоед —
Пропала наша тихая сторонка!

Хлебнули люди горя через край,
Такого горя, что не сыщешь слова.
Чуть что не так — ложись и помирай:
У немца все для этого готово;

Чуть что не так — петля да пулемет, —
Тебе конец, а им одна потеха...
Притих народ. Задумался народ.
Ни разговоров не слышать, ни смеха.

Сидим, бывало, — словно пни торчим...
Что говорить? У всех лихая чаша.
Посмотрим друг на друга, помолчим,
Слезу смахнем — и вся беседа наша.

Замучил, гад. Замордовал, загрыз...
И мой порог беда не миновала.
Забрали всё. Одних мышей да крыс
Забыли взять. И все им было мало!

Пришли опять. Опять прикладом в дверь, —
Встречай, старуха, свору их собачью...
«Какую ж это, — думаю, — теперь
Придумал Гитлер для меня задачу?»

А он придумал: — Убирайся вон!
Не то, — грозят, — раздавим, словно муху...
— Какой же это, — говорю, — закон —
На улицу выбрасывать старуху?

Куда ж идти? Я тут весь век живу... —
Обидно мне, а им того и надо:
Не сдохнешь, мол, и со скотом в хлеву,
Ступай туда, — свинья, мол, будет рада.

— Что ж, — говорю, — уж лучше бы свинья, —
Она бы так над старой не глумилась.
Да нет ее. И виновата ль я,
Что всех свиней сожрала ваша милость?

Озлился, пес, — и ну стегать хлыстом!
Избил меня и, в чем была, отправил
Из хаты вон... Спасибо и на том,
Что душу в теле все-таки оставил.

Пришла в сарай, уселась на бревно.
Сижу, молчу — раздета и разута.
Подходит ночь. Становится темно.
И нет старухе на земле приюта.

Сижу, молчу. А в хате той порой
Закрыли ставни, чтоб не видно было,
А в хате — слышу — пир идет горой, —
Стучит, грючит, гуляет вражья сила.

«Нет, — думаю, — куда-нибудь уйду,
Не дам глумиться над собой злодею!
Пока тепло, авось не пропаду,
А может быть, и дальше уцелею...»

И долог путь, а сборы коротки:
Багаж — в карман, а за плечо — хворобу.
Не напороться б только на штыки,
Убраться б подобра да поздорову.

Но, зная, в ту ночь счастливая звезда
Взошла и над моею головою:
Затихли немцы — спит моя беда, —
Храпят, гадюки, в хате с перепоею.

Пора идти. А я и не могу, —
Целую стены, словно помешалась...
«Ужели ж все пожертвовать врагу,
Что тяжкими трудами доставалось?

Ужели ж, старой, одинокой, мне
Теперь навек с родным углом проститься,
Где знаю, помню каждый сук в стене
И как скрипит какая половица?

Ужели ж лиходею моему
Сиротская слеза не отольется?
Уж если так, то лучше никому
Пускай добро мое не достается!

Уж если случай к этому привел,
Так будь что будет — лучше или хуже!»
И я дубовый разыскала кол
И крепко дверь притиснула снаружи.

А дальше, что же, дальше — спички в ход, —
Пошел огонь плести свои плетенки!
А я — через калитку в огород,
В поля, в луга, на кладбище, в потемки.

Погоревать к покойнику пришла,
Стою перед оградой сосновой:
— Прости, старик, что дом не сберегла,
Что сына обездолила родного.

Придет с войны, а тут — ни дать ни взять —
В какую дверь стучаться — неизвестно...
Прости, сынок! Но не могла ж я стать
У немчуры скотиной бессловесной.

Прости, сынок! Забудь отцовский дом,
Родная мать его не пощадила —
На все пошла, но праведным судом
Злодеев на погибель осудила.

Жестокую придумала я месть —
Живьем сожгла, огнем сжила со света!
Но если только бог на небе есть —
Он все грехи отпустит мне за это.

Пусть я стара и пусть мой волос сед, —
Уж раз война, так всем идти войною...
Тут подошел откуда-то сосед
С ружьем в руках, с котомкой за спиною.

Он осторожно посмотрел кругом,
Подумал молча, постоял немного:
— Ну, что ж, — сказал, — Антоновна, идем!
Видать, у нас теперь одна дорога...

И мы пошли. Сосед мой впереди,
А я за ним заковыляла сзади.
И вот, смотри, полгода уж поди
Живу в лесу у партизан в отряде.

Варю обед, стираю им белье,
Чиню одежду — не сижу без дела.
А то бывает, что беру ружье, —
И эту штуку одолеть сумела.

Не будь я здесь — валяться б мне во рву,
А уж теперь, коль вырвалась из плена,
Своих врагов и впрямь переживу, —
Уж это так. Уж это непременно.

1942

1943-й ГОД

В землянках, в сумраке ночном,
На память нам придет —
Как мы в дому своем родном
Встречали Новый год;

Как собирались заодно
У мирного стола,
Как много было нам дано
И света и тепла;

Как за столом, в кругу друзей,
Мы пили в добрый час
За счастье родины своей
И каждого из нас.

И кто подумал бы тогда,
Кто б вызнал наперед,
Что неминуемая беда
Так скоро нас найдет?

Незванный гость вломился в дверь,
Разрушил кров родной.
И вот, друзья, мы здесь теперь —
Наедине с войной.

Кругом снега. Метель метет.
Пустынно и темно...
В жестокой схватке этот год
Нам встретить суждено.

Он к нам придет не в отчий дом,
Друзья мои, бойцы,
И все ж его мы с вами ждем
И смотрим на часы.

И не в обиде будет он,
Коль встретим так, как есть,
Как нам велит войны закон
И наша с вами честь.

Мы встретим в грохоте боев,
Взметающих снега,
И чашу смерти до краев
Наполним для врага.

И вместо русского вина —
Так этому и быть! —
Мы эту чашу — всю, до дна —
Врага заставим пить.

И Гитлер больше пусть не ждет
Домой солдат своих, —
Да будет сорок третий год
Последним годом их!

В лесах, в степях, при свете звезд,
Под небом фронтовым,
Мы поднимаем этот тост
Оружьем боевым.

Декабрь, 1942

УКРАИНА МОЯ, УКРАИНА!

Памяти неизвестного лейтенанта, геройски погибшего в боях за Украину

Пробил час, наступило мгновение,
И в неясной предутренней мгле
Поднимались войска в наступленье,
Шли войска к украинской земле;
Шли на запад по снежным равнинам
Земляки, побратимы, друзья...
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Все, что думалось, чудилось, пелось,
Все на этом лежало пути...
Раньше всех лейтенанту хотелось
До своей Украины дойти.
Вся в цвету вспоминалась калина,
Что под вечер ждала соловья...
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Сколько б верст до тебя ни осталось —
Мы к порогу придем твоему...
Но упал лейтенант, и казалось,
Что уже не подняться ему:

Налетела немецкая мина,
Жаркой крови хлестнула струя...
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Всю тебя искромсали, скрутили,
Исковеркали всю чужаки...
— Поднимите меня, побратимы,
Дайте на ноги встать, земляки!
Я рядов боевых не покину, —
Пусть умру, но дойду до нее...
Украина моя, Украина,
Сердце мое!..

Мы противиться были не в силах,
Возразить не могли ничего, —
В те часы даже смерть отступила
Перед жгучим желаньем его.
Он поднялся: — За мною, орлята! —
И взметнулась людская волна.
И видны уже белые хаты,
Украина видна!..

Он дошел до родимого края,
С честью выполнил воинский долг,
Но, последние силы теряя,
Покачнулся, упал и замолк.
Скорбно шапки снимала дружина —
Земляки, побратимы, друзья...
Украина моя, Украина,
Ненько моя!..

Январь, 1943

ОСВОБОДИТЕЛЯМ ЕЛЬНИ

Идут вперед неустрашимо
Бойцы — товарищи мои.
И Ельня — город мой родимый —
Опять в кругу своей семьи.

Пусть он разрушен, искалечен, —
Он возродится из руин!
И подвиг твой да будет вечен,
Советский воин-исполни!

31 августа 1943 г.

ЗДРАВСТВУЙ, СМОЛЕНСК!

Ты спешишь к дорогам, к переправам,
Ты родных встречаешь сыновей...
Здравствуй, город древней русской славы,
Здравствуй, город юности моей!

Сколько раз в мучительной разлуке,
На войне вдыхая горький дым,
Издали протягивал я руки
К площадям и улицам твоим.

Ты лежал под вражеской пятою,
Залит весь горячею слезой...
Что они наделали с тобою,
Город песен, город ясных зорь!

Не твои ль сады они срубили?
Не твои ли улицы сожгли?
Не твоих ли девушек сгубили,
Как рабынь, в неволю увели?

Не твоей ли кровью обливался
Каждый камень этих площадей?..
Все ты вынес, выдержал, не сдался,
Город-пленник, город всех скорбей.

От тебя ни пыткой, ни казнью
Враг не смог добиться ничего.
Верил ты, что будет этот праздник,
Праздник воскресенья твоего;

Что врагу за все его разбойства
Счет предъявит русская земля...
Срок настал. И двинули мы войско
К древним стенам твоего кремля.

Вот оно проходит пред тобою,
Названное именем твоим,
И победы знамя боевое
Гордо развивается над ним.

К площадям, к дорогам, к переправам
Ты спешишь встречать богатырей...
Ты свободен, город русской славы.
Светлый город юности моей!

Сентябрь, 1943

ЕСТЬ ВО ВСХОДСКОМ РАЙОНЕ...

Есть во Выходском районе деревня такая,
Где над речкой крушина цвела,
Где гармонь, на гулянье девчат закликая,
Вдоль по берегу вечером шла;
Где в полях поднимались дружные всходы,
По оврагам журчали ручьи,
Где на ясные зори, на тихие воды
Прилетали весной соловьи...

Есть во Выходском районе деревня такая,
Где оставил я детство свое.
И, куда б я ни шел, мне звучал, не смолкая,
Теплый, ласковый голос ее.
И не раз мое сердце туда порывалось —
В золотые ее вечера...

Ничего от деревни моей не осталось,
Ничего — ни кола, ни двора.
Оплели ее немцы колючкою ржавой,
Чтоб жить и дышать не могла,
И во имя разбойной фашистской державы
Подожгли и спалили дотла.

Все растерзано, смято, разбито, разрыто,
И неведомо сколько недель —

Одиноким и скорбным, людьми позабытым —
Над колодцем скрипел журавель.
Опаленный пожаром, взывал он о мести
За великие муки земли,
За людей, что палач растоптал, обесчестил,
Что до срока в могилу легли.

И сурово земля оскорбленная мстила
Душегубу — врагу своему:
За два года она не дала, не взрастила
Ни единой былинки ему.
Никакой, даже самой жестокой угрозой
Враг добиться не мог ничего.
Лишь могильных крестов из смоленской березы
Не жалела земля для него.
Получил он сполна, что другим напророчил. —
Бесноватый фашистский пророк! —
И росли и росли эти мертвые рощи
У больших и у малых дорог.

И пришла, наступила такая година —
Покатилась чумная орда!..
Ты навеки свободна, родная краина, —
Черный день не вернется сюда.
Стихли зарева, смолкли раскаты орудий,
Чист и ясен вдали небосклон.
И впервые на свет выбираются люди, —
Кончен тяжкий немецкий полон!
И, сверкая на солнце, в разливе широком,
Льется тихо и плавно Угра,
И погонщики гонят стада по дорогам,
И на стройку спешат мастера.
На родных пепелищах — с утра до заката —
Топоры неумолчно стучат,

И, поднявшись над пеплом, сосновые хаты,
Словно колокол медный, звучат.
Вон уже воробьи примостились на крыше,
Вон из труб показались дымки...
— Ничего... уж теперь поживем мы, подышим, —
Не спеша говорят старики.

Расправляйся ж и крепни, сторонка родная,
Беспечно и вольно живи!
Пусть опять, словно песня большая-большая,
Поднимаются всходы твои;
Пусть добром наполняется каждая хата,
Пусть бушуют сады над Угрой
И на берег высокий выходят девчата
На свиданье вечерней порой.
Все, что было с тобою, — пусть в сон обернется
И твои не туманит глаза,
Пусть отныне твоей головы не коснется
Никогда никакая гроза!

СЛУШАЙТЕ, ТОВАРИЩИ...

— Слушайте, товарищи!
Наши дни кончаются,
Мы закрыты-заперты
С четырех сторон...
Слушайте, товарищи!
Говорит, прощается
Молодая гвардия,
Город Краснодар.

Все, что нам положено, —
Пройдено, исхожено.
Мало их осталось —
Считанных минут.
Скоро нас, измученных,
Связанных и скрученных,
На расправу лютую
Немцы поведут.

Знаем мы, товарищи, —
Нас никто не вызволит,
Знаем, что насильники
Довершат свое,
Но когда б вернулася
Юность наша сызнова,

Мы бы вновь за родину
Отдали ее.

Слушайте ж, товарищи!
Все, что мы не сделали,
Все, что не успели мы
На пути своем, —
В ваши руки верные,
В ваши руки смелые,
В руки комсомольские
Мы передаем.

Мстите за обиженных,
Мстите за униженных,
Дунегубу подлому
Мстите каждый час!
Мстите за поруганных,
За убитых, угнанных,
За себя, товарищи,
И за всех за нас.

Пусть насильник мечется
В страхе и отчаянье,
Пусть своей Немещины
Не увидит он! —
Это завещает вам
В скорбный час прощания
Молодая гвардия,
Город Краснодар.

1943

ГДЕ МОЙ ДОМ?..

Где мой дом, моя родная хата? —
Вспоминать об этом нелегко...
Далеко село мое, ребята,
Далеко за фронтом, далеко.

И не знаю — почему мне снится,
Почему мне кажется порой,
Что оно и до сих пор дымится
Над холодной мутною рекой;

В небе птицы мечутся в испуге, —
Негде им укрыться от беды,
И свои обугленные руки
Простирают над землей сады.

А земля затоптана врагами, —
Хлеб не всходит, не растет трава.
И шуршит печально под ногами
Лишь сухая ржавая листва.

Люди бродят, как живые тени,
Валятся от ветра на пути...
И от этих горестных видений
Я покоя не могу найти.

И хожу я, словно виноватый,
Что чума вошла в наш дом родной...
Далеко село мое, ребята,
Далеко за фронтом, за войной.

Только — что бы ни было со мною —
Я к нему дорогу проложу,
В смертной битве с нелюдью чумною
Сил своих, себя не пощажу.

Я пройду через леса и реки
В те места, где вся земля черна,
Где сады не зашумят вовеки,
Коль со мною не придет весна.

И когда злодея — днем или ночью —
Я, солдат, отправлю на погост, —
Длинный путь становится короче,
Может, сразу на десятки верст;

Может, там — лишь брошу я гранату —
Оживает дерево в саду...
Далеко село мое, ребята,
Но туда я все-таки приду!

БЕЛОРУССКАЯ ПЕСНЯ

Ой вы, вольные птицы,
Ой вы, серые гуси!
Долетите вы, гуси,
До мсей Беларуси;
До моей Беларуси,
До родимой сторонки,
А в родимой сторонке —
До деревни Сосёнки.

Прокричите вы, гуси,
Высоко в поднебесье,
Что с победою скоро
Мы придем на Полесье;
Мы придем на Полесье
В города и селенья,
Нашим братьям и сестрам
Принесем вызволение.

Пусть они не сдаются,
Пусть они ожидают,
Для фашистов могилу
Пусть поглубже копают;
Пусть поглубже копают,
Пусть копают пошире —

За кровавые раны,
За обиды большие.

А еще, мои гуси,
Разыщите дивчину,
Что ушла партизанить
За родную краину.
От меня передайте
Ей одно только слово —
Нерушимое слово,
Что мы встретимся снова.

Долетите ж вы, гуси,
До родной Беларуси.

1943

ЖИВИ, СОВЕТСКАЯ ОТЧИЗНА

Живи, советская отчизна,
Заветам Ленина верна.
Живи, страна социализма,
Непобедимая страна!

Живи на радость нам,
Живи на страх врагам,
Заветам Ленина верна.

Не выпускай из рук державных
Своих прославленных знамен,
Крепи свободный, равноправный
Союз народов и племен.

Крепи на радость нам,
Крепи на страх врагам
Союз народов и племен.

Иди вперед неутомимо.
И в мировом созвездье стран
Свети звездой неугасимой,
Страна рабочих и крестьян!
Свети на радость нам,
Свети на страх врагам,
Страна рабочих и крестьян!

1943

ПРИМИТЕ МЕНЯ, ВЕКОВЫЕ ДУБРАВЫ...

Примите меня, вековые дубравы,
Укройте от горького горя!
Одно бы я горе сама одолела,
Да рядом шагает другое...

Росла я, жила на родимой сторонке,
Где люди нужды не встречали,
Где в каждой деревне и в каждом семействе
На славу гостей угощали;
Где новые хаты, что бубен, звенели
И стружкой пахли сосновой,
Где осенью шумные свадьбы справляли
И пели «Бывайте здоровы» —
«Бывайте здоровы, живите богато,
А мы уезжаем до дому...»

Все кончилось разом — прошла непогода
По нашему краю родному.
Враги налетели — людей полонили
И руки и ноги скрутили,
Озера и реки они помутили,
И небо они законтитили.
Отцовскую хату сровняли с землею,

Село превратили в кладбище,
Колючий бурьян да густая крапива
Шумят на родном пенелище...
Примите ж меня, вековые дубравы,
Укройте от горького горя!
Одно бы я горе сама одолела,
Да рядом шагает другое...

Я с милым своим на родимой сторонке
На тех берегах повстречалась,
Где в теплые ночи, в июньские ночи,
Заря об зарю зажигалась:
Одна догорала, а рядом другая,
Другая заря занималась,
Одна перепелка во ржи запевала,
Другая в лугах откликалась...

Все кончилось разом — фашистская пуля
Убила родного, убила..
А я ж отдала ему душу и сердце,
А как же его я любила!..
А мне не позволили даже проститься,
Побывать у него на могиле, —
Схватили, втолкнули в вагон за решетку
И наглухо двери закрыли.
Штыком и прикладом забыть приказали
Родимую нашу краину, —
Все дальше и дальше увозят на запад —
На муку, на смерть, — на чужбину.
И я не стерпела. В поруганном сердце
Вскипела вся воля и сила!
Стальная решетка меня не сдержала,
И пуля меня не скосила...

Примите ж меня, вековые дубравы,
Укройте от лютой угрозы!..
Вы скажете — плачу... Нет, я не заплачу, —
Я дома оставила слезы.
Я их схоронила под пенлом горячим,
Под старой отцовской ветлюю.
Одну только жгучую ненависть к немцам
Взяла я в дорогу с собою.

За все мне ответит, за все мне заплатит,
Заплатит пришелец незваный!..
Примите ж меня, вековые дубравы,
Примите меня, партизаны!

5 декабря 1943 г.

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Друзья мои и весь народ,
Поднимем этот тост
За Новый год, что к нам идет,
За наш победный рост.

За тех, чья грозная рука
Врагов нещадно бьет,
За тех, кто нынче у станка
Оружие кует;

За тех, кто каждую весну
Готовит урожай, —
За всех людей, за всю страну,
За весь великий край.

В суровый день, в суровый час,
Когда идет война,
Одно желание у нас
И цель у всех одна:

Чтоб ненавистного врага
Стереть с лица земли,
Чтоб навсегда его снега
В сугробах погребли;

Чтоб он холодною зимой,
Без троп и без дорог,
Бежал в отчаянье домой
И чтоб уйти не смог;

Чтоб отдохнула вся земля
От грохота атак...
Поднимем тост, мои друзья,
Чтоб это было так!

Поднимем тост за Новый год,
За жизнь на много лет,
За партию, что нас ведет
Дорогою побед!

30 декабря 1943 г.

ПЕСНЯ ПРО «КАТЮШУ»

И на море и на суше —
По дорогам фронтовым —
Ходит русская «катюша»,
Ходит шагом боевым.

Подчистую немцев косит,
Подчистую, гадов, бьет, —
И фамилии не спросит,
И поплакать не даст.

Немцам главный штаб прикажет,
Чтобы шли они вперед,
А «катюша» слово скажет —
Как метлою подметет.

Налетит «катюша» вихрем —
Чем ее остановить?
И задумал Гитлер «тигров»¹
На «катюшу» натравить.

¹ «Тиграми» немцы называли некоторые виды своих танков.

Но такие им гостиницы
Приготовила она,
Что осталась от зверинца
Только химия одна.

У красавицы «катюши»
Все выходит в аккурат.
— Словно рыбу, немцев глушит, —
Про «катюшу» говорят.

Говорят, и после смерти
Слышат немцы грозный шквал
И что даже на том свете
Лезут прятаться в подвал.

8 января 1944 г.

СОВЕТСКОМУ ВОИНУ

На край Советский, на просторы эти
В тот год такая тяжесть налегла,
Что, если б не было тебя на свете,
Она б всю землю раздавить могла.

Но ты стоял — несокрушим и грозен,
Но ты ее сдержал своим плечом,
Своей рукой назад ее отбросил,
Рассек своим карающим мечом.

Всю силу богатырского удара
Обрушил ты на недруга в бою.
Страна тебе доверила недаром
Свои надежды и судьбу свою.

Пусть у врага в его звериных лапах
Еще немало наших деревень,
Но ты готов, но ты идешь на запад,
И близок он — победы светлый день.

Нигде такой не сыщется преграды,
Которую бы ты не сокрушил,
И кажется, что нет такой награды,
Которую бы ты не заслужил.

19 февраля 1944 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты знаешь, я думаю часто, —
Когда прекратится война,
Сойду я на станции:
— Здравствуй,

Родная моя сторона!
Вот я и вернулся до дому —
Твой житель, твой старый знакомый,
Твой сын — черноморский матрос;
Он с южного, теплого моря
На север, в деревню Подворье,
И мир и победу принес...

Чтоб сердце остыло немного,
У станции я постою,
И памятной с детства дорогой
Отправляюсь в деревню свою;
Пойду я родной стороною
В безоблачный утренний час,
И встанет она предо мною,
Какой представлялась не раз;
Какою мечталась и снилась,
Какой на войне не забылась, —
Родная моя сторона!

В ней только одно изменилось,
Что стала дороже она.

И, запахи поля вдыхая,
Мне радостно будет шагать;
Березы, с пригорков сбегая,
Мне ветками будут махать;
Пастуший рожок за оврагом
Взгрустнет и замрет в тишине.
На улице шумной ватагой
Мальчишки метнутся ко мне
И будут дивиться в избытке:
— Смотри — с якорями!.. моряк! —
И выйдет сосед из калитки
И скажет:

— Здорово, земляк!
С победой тебя и с возвратом,
С приходом в родные края!..

А вот и отцовская хата —
Приют мой и кровля моя.
И вот я иду через сени, —
В сенях половицы скрипят,
И вот уж целуюсь со всеми,
И всех обнимаю подряд.
И мать по плечу меня гладит,
Хлопочет, спешит угостить,
К столу приглашает и садит,
Не зная, куда посадить.
Седой, деловитый в движеньях,
Отец разливает вино:
— Ну, что же, сынок, с возвращеньем —
Пожалуй, не будет грешно... —
В расспросах, в рассказах, в беседе

Пройдет незаметно полдня,
А там — потянулись соседи
Послушать, взглянуть на меня.
И двери не знают покоя —
Идет и один и другой, —
Как будто я чудо какое,
Как будто я праздник какой.

И радостно станет мне снова,
Что я хорошо воевал,
Что в час испытаний суровых
Сдержал краснофлотское слово —
Пощады врагам не давал;
Что эти поля, и дубравы,
Деревни, поселки, сады
Сберег от смертельной расправы,
От лютой фашистской беды...

Я думаю часто об этом
Великом торжественном дне,
И ясным немеркнущим светом
Он издали светится мне.
И бьюсь я бесстрашно с врагами —
С фашистскою злобной ордой,
Чтоб мне не с пустыми руками
В тот день возвратиться домой,
А чтобы с далекого моря
Со славой и с честью прийти, —
В родную деревню Подворье
Победу и мир принести!

22 июня 1944 г.

РАССКАЗ ПРО СТЕПАНА И ПРО СМЕРТЬ

1

К Степановой хате весной, перед вечером,
Подкралась смерть неприметной тропой.
— Степан Алексеич! Раздумывать нечего...
Степан Алексеич! Пришла за тобой.
Как видно, пропала ухватка железная, —
Лежишь ты да зря переводишь харчи...
— Что верно, то верно — хвораю, болезная,
Что правда, то правда — лежу на печи.
Давно уж задумал я думу нездешнюю,
Давно отошел от полей и двора...
— Ну, что ж, приготовь свою душеньку грешную,
Сегодня твоя наступила пора...
— Готов я. И доски для гроба натесаны,
И выбрано место... Дорога одна...
А только нельзя ли отсрочить до осени? —
Уж больно хорошая нынче весна.
Хочу перед ночью своей нескончаемой
При свете, при лете пожить, подышать,
На все на живое взглянуть на прощание,
Чтоб легче мне было в могиле лежать.
Опять же, хоть стар я, а все же с понятием,
И знать, понимаешь ли, надобно мне —

Что наши решили насчет неприятеля
И как повернутся дела на войне.
Узнаю про все и умру успокоенный, —
Ни словом, ни делом тебе не солгу... —
И смерть отвечала:

— Пусть будет по-твоему,
До первого снега отсрочить могу.

2

Вот лето промчалось. Покосы покосены.
Хлеба обмолочены. Тихо кругом.
Земля принакрылась белой порошею,
И речка подернулась первым льдом.
В окошко старик посмотрел, запечалился:
Знакомая гостья спешит через двор.
— Степан Алексеич! Отсрочка кончается...
Степан Алексеич! Таков уговор...
— Что верно, то верно... Пора мне скопытиться, —
Степан говорит, — отслужил — и в запас.
Да знаешь ли, дело такое предвидится,
Что мне умереть невозможно сейчас.
За все моя совесть потом расквитается,
А нынче бы надо со мной погодить:
Прибыток в дому у меня ожидается —
Невестка мне внука должна народить.
И хочешь не хочешь, но так уж приходится, —
Позволь мне хоть малость постранствовать тут:
Мне б только дожидаться, когда он народится,
Узнать бы — какой он и как назовут.
И много ль для этого надобно времени?
Ну, месяц, ну, два... Так о чем же тут речь?..
К тому же, пока еще нет замирения,

На немцев бы надо тебе приналечь.
А там — приходи. Три аршина отмеривай, —
Степан не попросит уже ничего.
И будет лежать он — спокойный, уверенный,
Что живо, что здравствует племя его.
Солдату бывалому, старому воину —
Сама понимаешь — не грех уступить... —
И смерть отвечала:

— Пусть будет по-твоему.
Хитринь ты, я вижу, да так уж и быть...

3

Мороз отскрипел. Отшумела метелица.
Снега потеряли свою белизну.
Туман вчерашний над речкою стелется,
На улицах девушки кличут весну.
Ручей на дорогу откуда-то выбежал, —
Запел, заиграл, молодой баламут!..
Степан Алексееч поднялся — не выдержал,
Уселся на лавку и чинит хомут.
И любо Степану, и любо и дорого,
Что он не последний на ниве людской:
Поди не надеялись больше на хворого,
А хворый-то — вот он, выходит, какой!
И сам хоть куда, и работа не валится
Из старых толковых Степановых рук.
А внуком и вправду Степан не нахвалится,
Да как нахвалиться? — орел, а не внук!
Накопит он силы, войдет в разумение,
А там — и пошел по отцовским стопам!
Задумался старый... И в это мгновение

Послышался голос:

— Готов ли, Степан? —

Степан оглянулся:

— Явилася, странница!..

А я-то, признаться, забыл уж давно:

На старости память, как видно, туманится

И помнить про все старику мудрено.

— Ой, врешь ты, Степан, —

заворчала припелица, —

Совсем очумел от моей доброты!

Я думала — всё уж... А он канителится —

Расселся и чинит себе хомуты!

Ужели ж напрасно дорогу я мерила?

Хорош, человеке! Куда как хорош!

А я-то на честное слово поверила,

А мне-то казалось, что ты не соврешь... —

Старик не сдержался:

— Казалось! Казалось!

Подумаешь тоже — нарушил обет!..

Да что ты, всамделе, ко мне привязалась,

Как будто другого занятия нет?

Понравилось, что ли, за старым охотиться?

Стоишь над душой, а не знаешь того,

Что скоро с победою сын мой воротится

И пишет он мне, чтобы ждал я его.

И как же не встретиться с ним, не увидеться,

И как не дожидаться желанного дня?

Великой обидою сердце обидится,

Коль праздник мой светлый придет без меня.

Не вовремя ты на меня изловчилась,

Не в срок захотела меня уложить:

Уж как бы там ни было, что б ни случилось,

А Гитлера должен Степан пережить!

И что ты ни делай, и что ни загадывай, —

Пока не услышу, что Гитлер подох,
Ты лучше в окошко мое не заглядывай,
Ты лучше ко мне не ступай на порог.
И это тебе мое слово последнее,
И это тебе окончательный сказ!.. —
Подумала смерть, постояла, помедлила,
Махнула рукою и скрылась из глаз.

1944

СМОЛЕНСК

Я видел груды битого стекла,
Я видел горы каменных развалин...
Здесь городская улица была,
И нет ее: здесь немцы побывали.

Я видел место, где в былые дни
Густые липы небо закрывали.
Их больше нет. Остались только пни:
Здесь враг прошел. Здесь немцы побывали.

Я видел холм у старых стен кремля,
И этот холм забудется едва ли.
Здесь вся в слезах и вся в крови земля:
Здесь был конец. Здесь в яму зарывали.

Я видел все, что видеть мне пришлось,
Что враг терзал без всяких сожалений...
Но ни на миг ему не удалось
Тебя, Смоленск, поставить на колени,

Ты не склонился гордой головой, —
Пускай изранен, даже искалечен,
Но ты стоишь, но ты вовек живой,
Навстречу солнцу расправляешь плечи.

Ты вырвался из вражеских когтей,
Избавился от ночи окаянной.
И неустанно тысячи людей
Твои, Смоленск, залечивают раны.

И снова песни вольные звучат,
Звучит свое, родное сердцу, слово,
И бабушки баюкают внучат,
И солнце всходит и заходит снова.

Ты жив, Смоленск, и будешь вечно жить!
А те, что надругались над тобою,
Что всю страну хотели задушить,
За свой разбой заплатят нам с лихвою!

Ты слышишь — грянул благодатный гром,
Разя врагов ударом исполниским!
И сколько их свалилось за Днепром,
И сколько уничтожено под Минском!

Они лежат, повержены во прах,
Валяются, железной бурей смяты,
Они гниют в болотах и лесах —
Хваленые фашистские солдаты!

Кровавых дел им больше не вершить,
Над нашею землею не глумиться...
А ты живешь и вечно будешь жить,
И с каждым годом выше возноситься!

*Сентябрь, 1944
Смоленск*

СЛОВО О РОССИИ

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой —
Что ты перенесла?

В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Ты шла в огонь и в воду,
В стальной кромешный ад,
Ложилась под танки
Со связками гранат;
В горящем самолете
Бросалась с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;
Наваливалась грудью
На вражий пулемет,

Чтобы твои солдаты
Могли идти вперед...
Тебя морили мором
И жгли тебя огнем,
Землею засыпали
На кладбище живьем;
Тебя травили газом,
Вздымали на ножах,
Гвоздями прибивали
В немецких блиндажах...

Скажи, а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал:
Ты сеяла, и жала,
И плавил металл;
Леса валила наземь,
Сдвигала горы с мест, —
Сурово и достойно
Несла свой тяжкий крест...

Ты все перетерпела,
Познала все сполна.
Поднять такую тяжесть
Могла лишь ты одна!
И, в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей!..

И он пришел! Победа
Твоя недалека:
За Тисой, за Дунаем
Твои идут войска;
Твое пылает знамя
Над склонами Карпат,
На Висле под Варшавой
Твои костры горят;
Твои грохочут пушки
Над прусскою землей,
Огни твоих салютов
Всплывают над Москвой...

Скажи, какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величье
Вовеки не вставал.
Ты — выше всякой славы,
Достойней всех похвал!
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Поклоном благодарным
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За все, что ты снесла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская Россия,
Родная наша мать!

ГДЕ Ж ВЫ, ГДЕ Ж ВЫ,
ОЧИ КАРИЕ?

Где ж вы, где ж вы, очи карие?
Где ж ты, мой родимый край?
Впереди — страна Болгария,
Позади — река Дунай.

Много верст в походах пройдено
По земле и по воде,
Но советской нашей родины
Не забыли мы нигде.

И под звездами балканскими
Вспоминаем неспроста
Ярославские, рязанские
Да смоленские места.

Вспоминаем очи карие,
Тихий говор, звонкий смех...
Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех.

1944

ДЕВИЧЬЯ ПЕСНЯ

Не тревожь ты себя, не тревожь,
Обо мне ничего не загадывай
И, когда по деревне идешь,
На окошко мое не поглядывай.

Зря записок ко мне не пиши,
Фотографий своих не раздаривай:
Голубые глаза хороши,
Только мне полюбились карие.

Полюбились любовью такой,
Что вовек никогда не кончается...
Вот вернется он с фронта домой
И под вечер со мной повстречается.

Я прижму его к сердцу, прижму
Молодыми руками, горячими.
И скажу я в тот вечер ему,
Что самую судьбой предназначено.

А тебя об одном попрошу —
Понапрасну меня не испытывай.
Я на свадьбу тебя приглашу,
А на большее ты не рассчитывай.

1944

ЖИВЕТ У НАС В ПОСЕЛКЕ...

Живет у нас в поселке,
Над самою рекой,
Живет один парнишка.
Парнишка молодой.

У этого парнишки
На пиджаке медаль,
От этого парнишки
Пришла моя печаль.

Идет ли он с работы,
Гуляет ли в саду, —
Ни разу не заметит,
Что я кого-то жду.

Видать, парнишка мною
Не дорожит ничуть, —
Хотя бы оглянулся,
Сказал бы что-нибудь!

Но он проходит мимо,
А я молчу, терплю...
Не знаешь ты, парнишка,
Как я тебя люблю!

1944

ЛУЧШЕ НЕТУ ТОГО ЦВЕТУ...

Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет,
Лучше нету той минуты,
Когда милый мой придет.

Как увижу, как услышу —
Все во мне заговорит,
Вся душа моя пылает,
Вся душа моя горит.

Мы в глаза друг другу глянем,
Руки жаркие сплетем,
И куда — не знаем сами, —
Словно пьяные, бредем.

Мы бредем по тем дорожкам,
Где зеленая трава,
Где из сердца сами рвутся
Незабвенные слова.

А кругом сады белеют,
А в садах бушует май,
И такой на небе месяц —
Хоть иголки подбирай.

За рекой гармонь играет —
То зальется, то замрет...
Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет.

1944

ЛАСТОЧКА

Еще и артиллерия гремела
И мины рвались на краю села,
А ласточка уже взялась за дело
И, хлопоча, гнездо себе вила.

И люди выходили из укрытий
Навстречу дню большому своему,
И люди говорили: «Посмотрите,
Хоть и мала, а знает — что к чему».

1944

В НОВОГОДНЮЮ ПОЧЬ

Далеко мы ушли
От советской земли, —
Здесь походное наше жилье.
Но в родной стороне,
В той, что снится во сне,
Мы оставили сердце свое.
Так давайте ж споем
Про нее за столом
И давайте нальем
За нее.
За родную страну,
За родные края
Наливайте, друзья,
Поднимайте, друзья!

В этот день, в этот час
Дóма вспомнят про нас, —
Вспомнит друг, и подруга, и мать.
Ждут они одного,
Ждут сильнее всего,
Чтобы нас поскорей увидеть.
За того, кто нас ждет,
Чья любовь не умрет,
Кто нам верен во все времена, —

За своих матерей,
За подруг, за друзей
Наши чарки осушим до дна!

Мы вернемся, придем,
Мы увидим свой дом, —
И да будет та встреча светла!
Но дорога домой —
В край отцовский, родной —
Через город Берлин пролегла.
Выпьем все, как один,
За поход на Берлин,
За победный, последний поход,
За удачу свою
И за доблесть в бою,
За того, кто к победе ведет!
И за то, чтобы враг
Пал, поверженный в прах, —
За ключи
От берлинских ворот!

30 декабря 1944 г.

ОПЯТЬ НЕЧАЛИТСЯ
НАД ЛУГОМ...

Опять печалится над лугом
Печаль пастушьего рожка.
И, словно гуси, друг за другом
Плывут по небу облака.

А я брожу неторопливо
По этим памятным местам.
Какого здесь нищу я дива,
Чего я жду — не знаю сам.

У этих сел, у этих речек,
На тихих стежках полевых
Друзей давнишних я не встречу
И не дождусь своих родных.

Одни ушли, свой дом покинув, —
И где они, и что нашли?
Другим селибу в три аршина
Неподалёку отвели...

Какого ж здесь искать мне чуда,
Моя родная сторона!
Но я — твой сын, но я — отсюда,
И здесь прошла моя весна.

Прошла моя незолотая,
Моя незвонкая прошла.
И пусть она была такая, —
Она такая мне мила.

И мне вовеки будет дорог
Край перелесков и полей,
Где каждый дол и каждый взгорок
Напоминают мне о ней.

Пусть даже стерлись все приметы,
Пусть не найти ее следа,
И все ж меня дорога эта
Зовёт неведомо куда.

1945

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Отходили свое, отгуляли метели,
Отшумела в оврагах вода.
Журавли из-за моря домой прилетели,
Пастухи выгоняют стада.

Веет ветер весенний — то терпкий, то сладкий
Снятся девушкам жаркие сны.
И все чаще глядят на дорогу солдати —
Не идут ли солдаты с войны.

Пусть еще и тиха и безлюдна дорога,
Пусть на ней никого не видать, —
Чует сердце — совсем уж, совсем уж немного
Остается теперь ожидать.

Скоро, скоро приказ о победе услышат
В каждом городе, в каждом селе.
Может статься, сегодня его уже пишут
Всем на радость в московском Кремле.

Апрель, 1945

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

...Да разве ж об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе — волей-неволей, —
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,

Все чаще недобрая весть.
И ты перед всею страною,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далекой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросались в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начиненных тобой.

За все ты бралась без страха,
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела — иглой и ниткой.

Рубила, возила, конала, —
Да разве же все перечтешь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто б отлично живешь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый ее,
Как клятву шептал, как молитву,
Далекое имя твоё...

1945

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застыли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний вечер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой:

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

УСЛЫШЬ МЕНЯ, ХОРОШАЯ...

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая, —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобою встретиться.

Еще косою острою
В лугах трава не скошена,
Еще не вся черемуха
К тебе в окошко брошена;

Еще не скоро молодость
Да с нами распрощается,
Люби ж, покуда любится,
Встречай, пока встречается.

Встречай, моя хорошая,
Встречай, моя красивая —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

1945

СНОВА ЗАМЕРЛО ВСЕ ДО РАССВЕТА...

Снова замерло все до рассвета —
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь.
Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь:

То пойдет на поля, за ворота,
То обратно вернется опять,
Словно ищет в потемках кого-то
И не может никак отыскать.

Веет с поля ночная прохлада,
С яблонь цвет облетает густой...
Ты признайся — кого тебе надо,
Ты скажи, гармонист молодой.

Может статься, она — недалёко,
Да не знает — се ли ты ждешь...
Что ж ты бродишь всю ночь одиноко,
Что ж ты девушкам спать не даешь?!

1945

ГАЗЕТЕ «ПРАВДА»

(В день выхода десяти тысячного номера)

Свой день, свой праздник празднуешь ты снова,
И вновь тебя приветствует народ...
Из года в год твое живое слово
Звучало нам и нас вело вперед.

Оно в труде нам силы придавало,
И свет его светил по всей стране;
Оно с бойцами рядом воевало
И побеждать учило на войне.

Во всех делах жила ты вместе с нами, —
Наставником и другом ты была,
И боевое ленинское знамя
Ты столько лет со славою несла!

Ты от страны родной неотделима,
Нигде свою не запятнала честь.
И названа ты «Правдой» справедливо:
Народной правдой ты была и есть!

1945

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Встают над Камой радуги,
Горят перед глазами, —
Один конец — в Елабуге,
Другой конец — в Казани.

1942

Чистополь

2

Бой кончен. Пушки пресмирили.
Но кто ж искупит ту вину,
Что все мы с вами постарели
Еще на целую войну?

Май, 1945

ПИСЬМО ЗЕМЛЯКАМ

Лишь снега потемнеют
И запахнет весною,
Вновь смоленские дали
Встают предо мною;
Вновь я вижу пределы,
Где в недавнюю пору
Враг топтал и калечил
Все, как есть, без разбору;
Где лежали в руинах
Города и селенья,
Зарастая бурьяном —
Травой запустенья...

Навсегда я запомнил,
Как к домам разоренным
Возвращались люди
По полям обожженным;
Как смотрели безмолвно,
Глаза утирали:

Многих, многих не стало,
Многих мы потеряли!
Все кругом позаглохло,
Все кругом одичало,
И живым обживаться
Нужно было сначала...
Но пускай об утратах
Наше сердце крушилось, —
Все мы знали, что правда
На земле совершилась:
Покатились на запад
Немецкие каски,
Стало можно повсюду
Дышать без опаски,
Проходить без боязни
По земле по родимой —
По израпленной, скорбной,
Но до боли любимой.
Пусть всего вы лишились
До последней картошки,
Пусть у вас не осталось
Даже чашки и ложки;
Пусть дороги и тропы
Заросли полевые, —
Не упали вы духом,
Земляки дорогие.
По-хозяйски вы взялись —
Разумно, умело —
За большую работу,
За доброе дело.
Трудно было вам, трудно,
И забыть я не в силе,
Как вы из лесу бревна
Не возили — носили;

Как лопатами поле
По весне вы копали,
Как зерно для посева
На спине вы таскали...

Тяжко было вам, тяжело,
Но и так еще скажешь:
Если немца свалили,
То уж это — не тяжесть.
Стали вашими снова
И поля и покосы;
Ваше солнце всходило,
Ваши падали росы;
Ваши срубы рубились,
Ваши печи топились,
К вам на помощь машины
Из Москвы торопились;
К вам погонщики гнали
Стада по дорогам...
Стали вы обживаться,
Обжились понемногу.
И хотя еще в доме
Нет большого достатка,
И хотя еще часто
Вам бывает несладко, —
Но уже недалёко
Те самые годы,
Когда вы заживете,
Не зная невзгоды.
Все, что враг уничтожил
Жестоким рукою,
Все, что было когда-то,
К вам вернется с лихвою;

Станет край наш смоленский
Богаче и краше, —
В том великой порукою —
Партия наша.

Я привет вам душевный,
Друзья, посылаю,
Встретить радостно, славно
Майский праздник желаю.
Я желаю вам счастья
В этот день всенародный —
И успеха в работе,
И весны хлебобордной,
И хороших покосов,
И ясной погоды,
И здоровья, и силы
На долгие годы!

ЗЕЛЕНА БЫЛА МОЯ ДУБРАВА

Все во мне от счастья замирало,
Как к нему я шла.
Зелена была моя дубрава,
Зелена была...

Мы встречались с ним у перекрестка,
Мы бродили там.
Каждый кустик, каждая березка
Родовались нам.

Вся земля дышала и светилась,
Но прошла весна, —
Птицы смолкли, небо помутилось, —
Началась война...

Он погиб у города Медыни —
Боль моя, слеза.
Навсегда закрылись молодые
Умные глаза.

У тропы — тропинки неприметной,
Между двух рябин,
Со своею славою бессмертной
Он лежит один.

Весть о нем, как горькая отравы,
Сердце мне прожгла...
Зелена была моя дубрава,
Зелена была.

ИЗ ЧИСТОПОЛЬСКИХ ЗАПИСЕЙ

(1941—1942)

День и ночь прядут метели
В двести тысяч веретен...
Городок в снегах затерян
И снегами заметен.

Восемь суток почты нету —
Ни газеты, ни письма!
На дороге, видно, где-то
Замела ее зима.

Хоть бы радио нежданно
Весть какую принесло!
Но и радио недавно
Здесь на шепот перешло.

Мы сидим вдвоем с тобою.
Дом заснул. Огонь потух...
Только ветры за стеною
Разговаривают вслух.

1946

ПРОБИЛАСЬ ЗЕЛЕНЬ ПОЛЕВАЯ..

Пробилась зелень полевая
Навстречу свету и теплу,
И, настежь окна раскрывая,
Весна проходит по селу.

Ручей в овражке еле слышно
Пост о чем-то о своем,
И машет белой веткой вишня:
«Растем, товарищи, растем!»

1946

ПО РОСИСТОЙ ЛУГОВОЙ...

По росистой луговой,
По извилистой тропинке
Провожал меня домой
Мой знакомый с вечеринки.

Возле дома он сказал,
Оглядевшись осторожно:
— Я бы вас поцеловал,
Если это только можно.

Я ответила ему,
Что, конечно, возражаю,
Что такого никому
Никогда не разрешаю.

Сразу парень загрустил,
Огорченный, стал прощаться, —
Дескать, значит, я не мил,
Дескать, лучше б не встречаться.

Я в глаза ему смотрю:
— Раз такое положение,
То уж ладно, — говорю, —
Поцелуй... без разрешенья.

1946

СЛАВА НАРОДУ

От бескрайной равнины Сибирской
До полесских лесов и болот
Поднимался народ богатырский,
Наш великий советский народ.

Выходил он, свободный и правый,
Отвечая войной на войну,
Постоять за родную державу,
За могучую нашу страну.

Сокрушая железо и камень,
Он врага беспощадно разил,
Над Берлином победное знамя —
Знамя правды своей водрузил.

Он прошел через пламя и воду,
Он с пути не свернул своего.
Слава, слава герою-народу,
Слава Армии Красной его!

1946

НА СМЕРТЬ М. И. КАЛИНИНА

Я вспоминаю: с севера и с юга,
Под жарким солнцем и в ненастной мгле,
К нему крестьяне ехали, как к другу,
Поговорить о жизни, о земле.

В те дни деревня новый путь искала,
За новой правдой шла в Москву она,
И у него тогда перебивала,
Наверно, вся Советская страна.

К нему стучались в двери днем и ночью,
И был для всех он как живой родник —
Тверской крестьянин, питерский рабочий
И ленинской закалки большевик.

И все его любили, как родного, —
От стариков до маленьких детей.
Его дела, его простое слово
Навек осталось в памяти людей.

Пусть нет его сегодня между нами,
Но это имя — всей своей душой —
Поднимем мы как боевое знамя,
Как символ жизни правой и большой.

В ДНИ ПРАЗДНИКА

Так повелось, что в эти дни всегда —
В кругу друзей, в кругу ль своем домашнем —
Мы вспоминаем прошлые года
И думаем о будущем о нашем.

Мы вспоминаем тяжкие бои,
Когда гроза над всей землей нависла,
И тех из нас, что головы свои
За родину сложили бескорыстно.

Мы вспоминаем час великий тот,
Когда впервые замолчали пушки,
Когда встречал победу весь народ
И в городах, и в каждой деревушке.

Такой прошли мы с вами трудный путь,
Такую тяжесть с вами одолели!
И нас никто не смеет упрекнуть,
Что мы чего-то сделать не сумели.

Враг побежден. Окончена война —
Замолкла, отошла, отгрохотала.
Но мы живем в такие времена,
Когда про отдых думать не пристало.

Не наш ли долг — вернуть стране родной
Своими неустанными руками
Все то, что было отнято войной,
Что было уничтожено врагами?

Не наш ли долг — заводы возводить,
Копать руду, раскрыв пласты земные,
Дороги строить и сады садить,
Поля пахать, хлеба растить густые?

Нам нелегко приходится подчас,
Но мы отлично понимаем с вами:
Никто, никто не сделает за нас
Того, чего не сделаем мы сами.

И как тогда, в суровый час войны,
У всех у нас единое желание:
Отчизна-мать! Мы — все твои сыны,
Мы выполним твои предначертанья.

И как бы ни был труден этот путь,
Мы не отступим, мы достигнем цели.
И нас никто не смеет упрекнуть,
Что мы чего-то сделать не сумели.

5 ноября 1946 г.

МОСКВА

И скорбь утрат, и горечь отступленья
Мы испытали в том году не раз,
Но никогда, ни на одно мгновенье
Уверенность не покидала нас.

Враг наступал. От грохота моторов
Земля дрожала, гнулись деревья.
Но знали мы, что есть у нас опора,
Что есть на свете красная Москва;

Она себя еще не раз покажет, —
Судьбу войны лишь ей решить дано,
И как Москва задумает и скажет,
То так и выйдет. Так и быть должно.

И срок настал. Москва сказала слово.
И чужеземец, слышавший его,
Едва ли мог с земли подняться снова,
Едва ль дошел до дома своего.

Да, срок настал!.. Напрасно лютой карой
Грозил Москве фашистский властелин:
Нет, не Москва поникла под ударом —
Поник Москвой поверженный Берлин.

Он ждал от нас богатой русской дани,
И нашу дань он получил сполна!..
Свою Москву в обиду мы не дали,
Как нас в обиду не дала она.

И, как всегда, Москва стоит сегодня,
И ей стоять по праву тыщи лет.
Велик и славен труд ее и подвиг,
Высок ее неугасимый свет.

Она стоит — советская столица, —
И мощь, и разум, и душа страны.
Огни ее, как дальние зарницы,
Со всех пяти материков видны.

Она стоит под ясным небосводом,
Под знаменем, взнесенным над Кремлем, —
Оплот бессмертной правды и свободы,
Надежда всех народов и племен.

Она стоит — могучий город русский —
И никогда не склонит головы..
Вся жизнь была б безрадостной и тусклой,
Когда б на свете не было Москвы.

Но жизнь идет... Спешат из школы дети,
И светит солнце, и шумит трава.
И жизнь поет, что радость есть на свете,
Что есть на свете красная Москва.

1947

В ПОЛЕ

Мне хорошо, колосья раздвигая,
Прийти сюда вечернею порой.
Стеной стоит пшеница золотая
По сторонам тропинки полевой.

Всю ночь поют в пшенице перепелки
О том, что будет урожайный год,
Еще о том, что за рекой в поселке
Моя любовь, моя судьба живет.

Мы вместе с ней в одной учились школе,
Пахать и сеять выезжали с ней.
И с той поры мое родное поле
Еще дороже стало и родней.

И в час, когда над нашей стороною
Вдали заря вечерняя стоит,
Оно как будто говорит со мною,
О самом лучшем в жизни говорит.

И хорошо мне здесь остановиться
И, глядя вдаль, послушать, подождать...
Шумит, шумит высокая пшеница,
И ей конца и края не видеть.

1947

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

День погожий, день весенний,
Неба синего простор...
Деловито на машине
Вез начальника шофер.
Вдруг на взгорке, на пригорке,
У скрещения дорог,
Увидал шофер девчонку,
И мотор его заглох.

Говорит шофер со вздохом:
— Здесь придется мне сойти, —
Незнакомая дорога,
Надо справки навести. —
Он выходит из машины,
Он шагает за кювет,
Справки точные наводит —
Как зовут и сколько лет.

А девчонка отвечает:
— Совершенные летá.
Совершенные лета,
И никем не занятá.
Так они стояли оба,
Продолжая разговор.
И про все, как есть, дороги
Позабыл тогда шофер...

Возвратился он к машине,
А пачальник — аж кипит:
— Слишком долго эти справки
Ты наводишь, — говорит.
— Виноват! — сказал водитель. —
Только выслушайте все ж:
Здесь ведь столько поворотов,
Что не сразу разберешь.

КРАЙ МОЙ СМОЛЕНСКИЙ...

Край мой смоленский,
Край мой родимый!
Здесь моя юность
Когда-то бродила.

Здесь моя юность
Когда-то бродила,
По перелескам
Костры разводила.

В жите высоком
Венки заплетала,
Встречи нежданной
Здесь ожидала.

В дальние дали
Отсюда стремилась.
Где ж она делась?
Куда ж она скрылась?

Знать, отшумела
Весенней водою,
Знать, отгорела
Вечерней зарею.

В поле следы ее
Смыты дождями,
Голос развеян
Глухими ветрами...

Что ж я брожу
По родимому краю,
Что же я снова
Ее вспоминаю?

— Ей никогда
Не вернуться обратно, —
Желтые листья
Мне шепчут невнятно.

Гуси кричат,
Надо мной пролетая,
Что миновала
Пора золотая.

Кто-то чуть слышно
Ведет на гармошке:
— Позарасти
Стежки-дорожки;

Позарасти
Мохом, травой,
Где мы гуляли,
Милый, с тобою...

РАЗГОВОР НА КРЫЛЬЦЕ

Август месяц. Тихо. Сухо.
Предвечерний час.
На крыльце сидит старуха
И ведет рассказ:

— Я любое знала дело,
На любое шла.
И пахать, и жать умела,
И косить могла.

Молотила, лен трепала
До вечерних звезд.
Одного холста наткала,
Может, на сто верст.

А уж сколько спряла пряжи
За свои года!..
И никто спасибо даже
Не сказал тогда.

Да и было ль от кого там
Ожидать его?
Каждый знал свою заботу, —
Больше ничего:

Свой порог, свои полати,
Свой в окошке свет,
И свое же горе в хате,
Горе многих лет.

Каждый жил своим уделом,
Нес свою суму,
Ни до чьей судьбы — и дела
Не было ему.

И водилось так, бывало,
Шло из края в край:
Коль ты жив — живи, пожалуй,
Помер — помирай.

И какого ж я спасибо
Ждать-просить могла?
Впрочем, я и не просила,
Я и не ждала.

Мне о том лишь для примера
Вспомнилось сейчас, —
Потому — иная мера
В жизни есть у нас.

Кто б ты ни был — ткешь иль нашешь,
Роешь ли руду, —
Все мы, все в державе нашей
Нынче на виду.

Нынче всякий труд почетен,
Где какой ни есть.
Человеку — по работе
Воздается честь.

Кто работу сердцем любит,
Кто баклуш не бьет,
За того — закон и люди,
За того — народ...

Пригляделась я, решила
И в колхоз пошла.
Брала лен, телят растила,
Птицу развела.

За телят, за эту птицу,
Из родных мест,
Повезли меня в столицу
На колхозный съезд.

Там, в Москве, в кремлевском зале, —
Как в каком-то сне, —
Самый важный орден дали
За работу мне.

Самый главный орден дали
За большой успех,
И спасибо мне сказали,
На весь мир, при всех.

Я сижу. Сижу и плачу —
С орденом в руках.
«Кто я есть и что я значу? —
А ведь вот же как!..

Вот же как оно случилось!» —
Повторяла я.
И, как орден тот, светилась
Вся душа моя.

Я на том большом совете
Поняла тогда,
Что не может быть на свете
Счастья без труда.

Только труд — всему основа,
Честный труд людской...
Вот мое какое слово,
Вот мой сказ какой!..

Ну да я — старуха все же, —
Очень уж стара.
А вот вам-то, молодежи,
Это знать пора.

Вы живете по науке,
Вы идете в рост,
Вам теперь и книги в руки,
С вас — особый спрос.

Долго ль здесь на солнце греться
Остается нам?
Вся земля, весь мир в наследство
Достается вам.

Вам, наследникам по праву, —
Думать и решать;
За Советскую державу
Вам ответ держать, —

За ее красу и силу,
За ее дела
И за свет неугасимый,
Что она зажгла.

Вам — руками молодыми,
Сердцем и умом —
Укреплять ее твердыню
И стоять на том!

Чтоб и те, что в битвах пали
За ее права,
И за гробом даже знали,
Что она жива;

Что без горя, честь по чести,
Люди здесь живут,
Что хранит ее от бедствий
Ваш сыновний труд.

Где бы вам по белу свету
Ни пришлось бродить, —
Вам нельзя, вам права нету
Это позабыть.

Вас она зовет на подвиг,
Подвиг трудовой...
Вот какой вам сказ сегодня,
Вот наказ какой!

1947

МЫ СОВЕТ НЕ РАЗ ДЕРЖАЛИ

(Урожайная)

Мы совет не раз держали,
Говорили по весне
О колхозном урожае,
О богатом трудовне.

Порешили, подсчитали,
Всем бригадам дали срок.
Всей стране пообещали:
— Дело выйдет, будет прок!

Нам лениться нет расчета,
Наше слово — от души...
И пошла у нас работа, —
Хоть в «Известия» пиши.

Так мы все держались дружно,
Так взялись хлеба растить,
Что сумели б, если нужно,
Даже гору своротить.

Мы взрастили, смолотили,
Все убрали до зерна.
С государством — честь по чести —
Рассчитались сполна.

Не прошло задаром лето, —
Урожайный вышел год...
Принимай, Страна Советов,
От колхозников отчет!

Мы в Москву сегодня едем, —
Нет, не едем, а летим.
О своей большой победе
Лично ей сказать хотим.

Обо всем, как есть, доложим,
И уж скажем прямоком:
Орден кстати был бы тоже
В положении таком...

С нами все Москва обсудит,
Обо всем расспросит нас.
Как бы в шутку, не забудет
И про орден в самый раз.

Дескать, верно, — орден кстати:
Заслужили — вам носить.
Только вдруг на всех не хватит?! —
Надо б Шверника спросить!

1947

ДЕТСТВО

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано...

Н. А. Некрасов

1

Давно это, помнится, было со мною, —
В смоленской глухой стороне,
В поля, за деревню, однажды весною
Пришло мое детство ко мне.

Пришло и сказало:
— Твои одноклассники
С утра собрались у пруда,
А ты сиротою сидишь на пригорке,
А ты не идешь никуда.

Ужели ж и вправду тебе неохота
Поплывать со мной на плоту,
Ручей перепрыгнуть с разбега, с разлета,
Сыграть на лужайке в лапту;

На дуб, на березу вскарабкаться лихо
Иль вырезать дудку в лесу?..
— Мне очень охота, — ответил я тихо, —
Да, видишь, свиной я пасу.

Такое они беспокойное племя,
Что только гляди да гляди.
И бегать с тобой, понимаешь, не время, —
Ты как-нибудь после приди...

2

Пришло мое детство, пришло золотое
Июльской порою ко мне,
И так говорит, у завалинки стоя:
— Ты, что же, — опять в стороне?

Наверно, забыл, что поспела малина,
Что в лес отправляться пора?
Наверно, не знаешь — какого налива
Ребята поймали вчера?..

— Я знаю, — со вздохом сказал я на это, —
Да только уйти не могу:
Все наши работают в поле с рассвета,
А я вот избу стерегу.

Двухлетний братишка со мною к тому же, —
Не смыслит еще ничего:
Уйдешь — захлебнется в какой-нибудь луже
Иль бык забодает его.

И куры клюют огурцы в огороде, —
Хоть палкой их бей по ногам!
Сгоню их — они успокоятся вроде,
А глину — опять уже там...

Так я говорил — деловито, печально,
Желая себя оправдать...

И, палочкой белой взмахнув на прощанье,
Ушло мое детство опять.

3

Пришло оно снова холодной зимою
В наш бедный перадостный дом,
Взяло меня за руку жаркой рукою:
— Идем же, — сказала, — идем!

Могу я придумать любую забаву,
Любую игру заведу:
С тобою мы вылепим снежную бабу
И в бабки сразимся на льду;

На санках с горы пронесемся, как ветер,
Сыграем с друзьями в снежки...
— Мне б очень хотелось, — я детству

ответил, —

Да руки, видать, коротки.

Ты разве забыло, что нынче — не лето,
Что не в чем мне выйти за дверь?
Сижу я разутый, сижу я раздетый,
И нет у нас хлеба теперь.

Ты б лучше весной... — попросил я несмело, —
Тогда и в рубашке тепло... —
Безмолвно оно на меня посмотрело
И, горько вздыхая, ушло.

Ушло мое детство, исчезло, пропало, —
Давно это было, давно...
А может, и вовсе его не бывало
И только приснилось оно.

ХОРОШО ВЕСНОЮ БРОДИТСЯ...

Хорошо весною бродится
По сторонке по родной,
Где заря с зарею сходится
Над полями в час почной;

Где такое небо чистое,
Где ночами с давних пор
С молодыми гармонистами
Соловьи заводят спор.

Поглядишь — глазам не верится:
Вдаль на целую версту —
То ли белая метелица,
То ль сады стоят в цвету.

Ветка к ветке наклоняется —
И шумит и не шумит.
Сердце к сердцу порывается,
Песня с песней говорит.

И легко, привольно дышится,
И тебя к себе зовет
Все, что видится и слышится,
Что живет и что цветет.

1948

МЫ С ТОБОЮ НЕ ДРУЖИЛИ...

Мы с тобою не дружили,
Не встречались по весне,
Но глаза твои большие
Не дают покоя мне.

Думал я, что позабуду,
Обойду их стороною,
Но они везде и всюду
Всё стоят передо мной.

Словно мне без их привета
В жизни горек каждый час,
Словно мне дороги нету
На земле без этих глаз.

Может, ты сама не рада,
Но должна же ты понять:
С этим что-то делать надо,
Надо что-то предпринять.

1948

СТОИТ ВЕТЛА УНЫЛАЯ...

Стоит ветла унылая,
Шумит она, качается
Над высохшим ручьем...
А нам, подружка милая,
А нам о чем печалиться,
А нам жалеть о чем?

Пойдем, подружка верная,
За озеро, за мельницу,
Под месяц молодой.
В полях тропы вечерняя
Сама собою стелется
Нам под ноги с тобой.

Над травами зелеными
Плывет гармонь влюбленная, —
Плывет и не плывет.
А травы — всё немые,
А парни — неженатые,
А все кругом цветет.

Поют в четыре голоса
Нам песню величальную
Четыре соловья.
О чем же ты задумалась,
Чего же ты печальная,
Ровесница моя?

1948

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Александру Фадееву

Трансвааль, Трансвааль — страна моя,
Ты вся горишь в огне.

Русская народная песня

1

Та песня с детских лет, друзья,
Была знакома мне:
«Трансвааль, Трансвааль — страна моя,
Ты вся горишь в огне».

Трансвааль, Трансвааль — страна моя!..
Каким она путем
Пришла в смоленские края,
Вошла в крестьянский дом?

И что за дело было мне,
За тыщи верст вдали,
До той страны, что вся в огне,
До той чужой земли?

Я даже знал тогда едва ль —
В свои двенадцать лет, —
Где эта самая Трансвааль
И есть она или нет.

И все ж она меня нашла
В Смоленщине родной,
По тихим улицам села
Ходила вслед за мной.

И понял я ее печаль,
Увидел тот пожар.
Я повторял:

— Трансвааль, Трансвааль! —
И голос мой дрожал.

И я не мог уже — о нет! —
Забыть про ту страну,
Где младший сын — в тринадцать лет —
Просился на войну.

И мне впервые, может быть,
Открылось тогда —
Как надо край родной любить,
Когда придет беда;

Как надо родину беречь
И помнить день за днем,
Чтоб враг не мог ее поджечь
Погибельным огнем...

2

«Трансвааль, Трансвааль — страна моя!..»
Я с этой песней рос.
Ее навек запомнил я
И, словно клятву, нес.

Я вместе с нею путь держал,
Покинув дом родной,
Когда четырнадцать держав
Попли на нас войной;

Когда пожары по ночам
Пылали здесь и там
И били пушки англичан
По нашим городам;

Когда сражались сыновья
С отцами наравне...
«Трансвааль, Трансвааль — страна моя,
Ты вся горишь в огне...»

3

Я пел свой гнев, свою печаль
Словами песни той,
Я повторял:

— Трансвааль, Трансвааль! —
Но думал о другой, —

О той, с которой навсегда
Судьбу свою связал,
О той, где в детские года
Я палочки срезал;

О той, о русской, о родной,
Где понял в первый раз:
Ни бог, ни царь и не герой
Свободы нам не даст;

О той, что сотни лет жила
С лучиною в светце,
О той, которая была
Вся в огненном кольце.

Я выполнял ее наказ,
И думал я о ней...
Настал, настал суровый час
Для родины моей;

Настал, настал суровый час
Для родины моей, —
Молитесь, женщины, за нас —
За наших сыновей...

4

Мы шли свободу отстаять,
Избавить свет от тьмы.
А долго ль будем воевать —
Не спрашивали мы.

Один был путь у нас — вперед!
И шли мы тем путем.
А сколько нас назад придет —
Не думали о том.

И на земле и на воде
Врага громили мы.
И знамя красное нигде
Не уронили мы.

172

И враг в заморские края
Бежал за тыщи верст.
И поднялась страна моя
Во весь могучий рост.

Зимой в снегу, весной в цвету
И в дымах заводских —
Она бессменно на посту,
На страже прав людских.

Когда фашистская чума
В поход кровавый шла,
Весь мир от рабского ярма
Страна моя спасла.

Она не кланялась врагам,
Не дрогнула в боях.
И пал Берлин к ее ногам,
Поверженный во прах.

Стоит страна большевиков,
Великая страна,
Со всех пяти материков
Звезда ее видна.

Дороги к счастью с ней одной
Открыты до конца,
И к ней — к стране моей родной —
Устремлены сердца.

Ее не сжечь, не задушить,
Не смять, не растоптать, —
Она живет и будет жить
И будет побеждать!

173

...Трансвааль, Трансвааль!..

— Я много знал

Других прекрасных слов,
Но эту песню вспоминал,
Как первую любовь;

Как свет, как отблеск той зари,
Что в юности взошла,
Как голос матери-земли,
Что крылья мне дала.

Трансвааль, Трансвааль! — моя страна, —
В лесу костер ночной...
Опять мне вспомнилась она,
Опять владеет мной.

Я вижу синий небосвод,
Я слышу бой в горах:
Поднялся греческий народ
С оружием в руках.

Идет из плена выручать
Судьбу своей земли,
Идет свободу защищать,
Как мы когда-то шли.

Идут на битву сыновья
С отцами наравне...
«Трансвааль, Трансвааль — страна моя,
Ты вся горишь в огне...»

Пускай у них не те слова
И пусть не тот напев,
Но та же правда в них жива,
Но в сердце — тот же гнев.

И тот же враг, что сжег Трансвааль, —
Извечный враг людской, —
Направил в них огонь и сталь
Безжалостной рукой.

Весь мир, всю землю он готов
Поджечь, поработить,
Чтоб кровь мужей и слезы вдов
В доходы превратить;

Чтоб даже воздух, даже свет
Принадлежал ему...
Но вся земля ответит:

— Нет!

Вовек не быть тому!

И за одним встает другой
Разгневанный народ, —
На грозный бой, на смертный бой
И стар и млад идет.

И остров Ява, и Китай,
И Греции сыны
Идут за свой родимый край,
За честь своей страны;

За тех, что в лютой кабале,
В неволе тяжелой мрут,
За справедливость на земле
И за свободный труд.

Ни вражья спесь, ни злая месть
Отважным не страшна.
Народы знают:

Правда есть!
И видят — где она.

Дороги к счастью —
с ней одной

Открыты до конца,
И к ней —
К стране моей родной —
Устремлены сердца.

Ее не сжечь, не задуть,
Не смять, не растоптать.
Она живет и будет жить
И будет побеждать!

Февраль, 1948

ЛЕТЯТ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ...

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой.
А я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Немало я стран перевидел,
Шагая с винтовкой в руке.
И не было горше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.
Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю.
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

Пушай утопал я в болотах,
Пушай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.
Желаешь свои надежды
Связал я навеки с тобой —

С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

1948
Внуково

ПЕСНЯ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ

С одним желаньем, с думою одною,
Со всех концов родной своей земли
Мы собрались дружною семьею,
Мы все учиться мастерству пришли.

Пройдут года, настанут дни такие,
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые
Руками золотыми назовет.

Куда бы нас отчизна ни послала,
Мы с честью дело сделаем свое:
Она взрастила нас и воспитала,
Мы — сыновья и дочери ее.

Мы всюду будем первыми по праву
И говорим от сердца от всего,
Что не уроним трудовую славу
Своей страны, народа своего.

1948

ДЕЛЕГАТАМ
XI СЪЕЗДА КОМСОМОЛА

Со всех краев страны родной,
Из городов и сел,
На слет, на съезд, на праздник свой
Собрался комсомол.

Собрались те, чей славен труд
Повсюду и всегда,
Чьи на земле сады цветут,
Чья плавится руда;

Кто нефть и уголь достает,
Взлетает в небеса,
Кто в степь широкую идет,
Чтоб насадить леса...

Идти вперед, не отступать! —
Таков у них девиз.
И каждый жизнь готов отдать
В борьбе за коммунизм.

Привет же вам, друзья, привет!
Привет мой и поклон,
Сияет вам великий свет,
Что Лениным зажжен.

Вас слово партии ведет
На подвиг и на труд,
И ваша слава не умрет,
Дела не пропадут.

Идете вы, и цель ясна,
И путь для вас открыт.
И вам спасибо вся страна
Сегодня говорит!

Март, 1949

НА РЕКЕ, РЕКЕ КУБАНИ...¹

На реке, реке Кубани
За волной волна бежит.
Золотистыми хлебами
Степь кубанская шумит.
Знагь, решили мы недаром —
Хлеборобы-мастера,
Чтоб ломилися амбары
От кубанского добра.
 Убирай да нагружай! —
 Наступили сроки.
 Урожай наш, урожай,
 Урожай высокий!

Мы работать в эти степи
Выходили до зари,
Чтоб росли на нашем хлебе
Силачи-богатыри;
Чтобы все девчата были
И пригожи и ловки,

¹ Эта песня, как и две последующие («Каким ты был, таким остался...» и «Ой, цветет калина...»), была написана для кинофильма «Кубанские казаки».

Чтобы жарче их любили
Молодые казаки.

 Убирай да нагружай! —
 Наступили сроки.
 Урожай наш, урожай,
 Урожай высокий!

Уберем мы всё, как нужно,
Ни зерна не пропадет,
Потому что очень дружный
И надежный мы народ.
И пойдут, пойдут обозы
В города по большаку.
Не останутся колхозы
Перед родиной в долгу.

 Убирай да нагружай! —
 Наступили сроки.
 Урожай наш, урожай,
 Урожай высокий!

Не награды нас прельстили, —
Это скажет вам любой, —
Мы хлеба свои растили
Ради чести трудовой.
Если ж к этому награда
Будет нам присуждена,
Мы не скажем: нет, не надо! —
Мы ответим, что нужна.

 Убирай да нагружай! —
 Наступили сроки.
 Урожай наш, урожай,
 Урожай высокий!

КАКИМ ТЫ БЫЛ, ТАКИМ ОСТАЛСЯ..

Каким ты был, таким остался,
Орел степной, казак лихой...
Зачем ты снова повстречался,
Зачем нарушил мой покой?

Зачем опять в своих утратах
Меня ты хочешь обвинить?
В одном я только виновата,
Что нету сил тебя забыть.

Свою судьбу с твоей судьбою
Пускай связать я не могла,
Но я жила одним тобою,
Я всю войну тебя ждала.

Ждала, когда наступят сроки,
Когда вернешься ты домой,
И горьки мне твои упреки,
Горячий мой, упрямый мой.

Твоя печаль, твоя обида,
Твои тревоги — ни к чему:
Смотри — душа моя открыта,
Тебе открыта одному.

Но ты взглянуть не догадался,
Умчался вдаль, казак лихой...
Каким ты был, таким остался,
А ты и дорог мне такой.

ОЙ, ЦВЕТЕТ КАЛИНА...

Ой, цветет калина
В поле у ручья.
Парня молодого
Полюбила я.

Парня полюбила
На свою беду:
Не могу открыться,
Слова не найду.

Он живет — не знает
Ничего о том,
Что одна дивчина
Думает о нем...

У ручья с калины
Облетает цвет,
А любовь девичья
Не проходит, нет.

А любовь девичья
С каждым днем сильней.
Как же мне решиться —
Рассказать о ней?

Я хожу, не смея
Волю дать словам...
Милый мой, хороший,
Догадайся сам!

1949

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА

Я девушки этой, наверно, не стою
И вслед ей напрасно гляжу.
Ее наградили Звездой Золотою,
А я без награды хожу.

Я, может, не стал бы грустить-огорчаться, —
За девушку сердцем я рад,
Но только неловко мне с нею встречаться,
Как будто я в чем виноват.

Глаза перед ней опускаются сами,
Слова с языка не идут.
И я одиноко брожу вечерами,
Где травы степные поют.

Полно мое сердце лишь ею одною,
Мне больно и сладко тогда...
Взойди же, взойди, загорись предо мною,
Моя золотая звезда!

1949

ОСЕННЕЕ

Жито убрано, скошено сено,
Отошли и страда и жара.
Утопая в листве по колено,
Снова осень стоит у двора.

Золотистые конны соломы
На токах на колхозных лежат.
И ребята дорогой знакомой
На занятия в школу спешат.

С хлебом тянутся в город обозы,
И поют журавли над землей.
Пишут письма в столицу колхозы
О победе своей трудовой.

Словно стяги, краснеют рябины,
Отраженные светлой водой.
И под вечер включает турбину
На реке машинист молодой.

И огни пробегают по хатам
И в густую плывут синеву.
И готовятся ехать девчата
За Звездой Золотою в Москву.

1949

НАТАША

На поля, за ворота
Родного села
В золотистой косынке
Наташа пошла.

Поднялась перед нею
Высокая рожь:
— А куда ж ты, Наталья,
Куда ты идешь?

Говорила Наташа:
— Иду на поля,
Может, встретится снова
Мне радость моя;

Может, слово какое
Мне скажет она
И поймет — отчего я
Сегодня грустна...

Повстречалась ей радость
На том на лужке, —
В пиджаке нараспашку,
Часы на руке.

Повстречалась ей радость, —
Как будто ждала:
— Не ко мне ли, Наташа,
Ты в гости пришла?

Отвечала на это
Наташа ему:
— Я подобных насмешек
Никак не пойму.

Я хотела проверить —
Созрела ли рожь.
Отчего ж ты смеешься,
Пройти не дашь?

Улыбается парень:
— Как видишь — судьба:
Я ведь тоже собрался
Проверить хлеба.

Я один собирався,
А вышло при том —
Проверять нам придется
С тобою вдвоем.

ВЕЧНАЯ СЛАВА

(В День Победы)

Вечная слава и вечная память
Павшим в жестоком бою!
Бились отважно и стойко с врагами
Вы за отчизну свою.

Верные долгу, себя не падали
Ради победы ее.
Чтобы жила она в славе и силе,
Отдали сердце свое;

Отдали жизнь, чтоб лихая недоля
К нам никогда не пришла,
Чтоб на земле, что любима до боли,
Каждая ветка цвела.

Пусть же проходят за годами годы, —
Вас не забудет страна:
Свято и ревностно память народа
Ваши хранит имена.

Бились отважно и стойко с врагами
Вы за отчизну свою.
Вечная слава и вечная память
Павшим в жестоком бою!

Май, 1950

ЗА ТЕБЯ, МОСКВА ТЫ НАША СЛАВНАЯ

За тебя, Москва ты наша славная,
И в огонь и в воду я готов.
Ты стоишь — могучая, державная —
Выше всех на свете городов.

О тебе шумят потоки горные
И поют бескрайные поля.
Всей земле — на все четыре стороны —
Светят звезды твоего Кремля.

И в труде, и в битвах непреклонная,
Наша слава, гордость и оплот,
В коммунизм под красными знаменами
За собою ты ведешь народ.

За тебя, Москва ты наша славная,
И в огонь и в воду я готов.
Ты стоишь — могучая, державная —
Выше всех на свете городов.

1950

СТРАНА МОЯ...

Страна моя, страна родная,
Краса земли, ее весна,
Ты вся — от края и до края —
Вперед и ввысь устремлена.

Ты — всех светлей, раздольней, шире, —
Такой другой не видел я.
И светит всем народам в мире
Судьба высокая твоя.

Ты знамя правды водрузила,
Народам счастье принесла.
И тех людей, что ты взрастила,
Лишь только ты взрастить могла.

Для них твое священо слово,
И если скажешь ты его, —
Они себя отдать готовы
Во имя блага твоего.

Они снесут любую тяжесть,
Любые выдержат бои.
Они и день и ночь на страже —
Сыны и дочери твои.

И пусть проходит год за годом,
Страна великого труда,
Твои враги, враги свободы
Тебя не сломят никогда.

Они найдут конец бесславный,
И мир не станет их жалеть.
И будет вечно стяг державный,
Твой стяг победный пламенеть.

1950

ВЫЙДИ В ПОЛЕ...

Выйди в поле утренней порою, —
Небо синее, дали широки.
Самолет всплывает над землею,
По земле спешат грузовики.

Зреет жито на колхозных нивах,
Свежим сеном пахнет на лугу.
Дед-пастух коров неторопливых
У реки пасет на берегу.

На листе еще дрожат росинки,
Птичий гам несется из кустов.
И в венке из полевых цветов
Девушка проходит по тропинке.

Складная и легкая такая —
Как виденье юности самой...
Это все — страна моя родная,
Милый край благословенный мой, —

Мирный день советского народа,
Озаренный солнцем золотым...
И его мы от любого сброда,
От любого лиха оградим!

1950

ДУБ

Развесистый дуб на холме зеленеет,
Раскинувши ветви широко,
И в землю родную своими корнями
Он входит глубоко-глубоко.

И пусть над вершиной проносятся тучи,
Пусть ветры над ним завывают, —
Он держится крепко за землю родную,
И бури его не сломают.

1933—1951

ДУМА О ЛЕНИНЕ

Когда вырастешь, дочка, отдадут тебя замуж
В деревню большую, в деревню чужую.
Мужики там всё злые — топорами секутся,
А по будням там дождь и по праздникам дождь...

Из старой русской народной песни

В Смоленской губернии, в хате холодной,
Зимою крестьянка меня родила.
И, как это в песне поется народной,
Ни счастья, ни доли мне дать не могла.

Одна была доля — бесплодное поле,
Бесплодное поле да тощая рожь.
Одно была счастье — по будням ненастье,
По будням ненастье, а в праздники — дождь.

Голодный ли вовсе, не очень ли сытый,
Я все-таки рос и годов с десяти
Постиг, что одна мне наука открыта —
Как лапти плести да скотину пасти.

И плел бы я лапти... И, может быть, скоро
Уже обогнал бы отца своего...
Но был на земле человек, о котором
В ту пору я вовсе не знал ничего.

Под красное знамя бойцов собирая,
Все тяготы жизни познавший вполне,
Он видел меня из далекого края,
Он видел и думал не раз обо мне.

Он думал о том о бесправном народе,
Кто поздно ложился и рано вставал,
Кто в тяжком труде изнывал на заводе,
Кто жалкую нивку слезой поливал;

Чьи в землю росли захудалые хаты,
Чьи из году в год пустовали дворы;
О том, кто давно на своих супостатов
Точил топоры, но молчал до поры.

Он стал и надеждой и правдой России,
И славой ее и счастливой судьбой.
Он вырастил, поднял могучие силы
И сам их повел на решительный бой.

И мы, что родились в избе, при лучине,
И что умирали на горах тряпья, —
От Ленина право на жизнь получили —
Все тысячи тысяч таких же, как я.

Он дал моей песне тот голос певучий,
Что вольно плывет по стране по родной.
Он дал моей ниве тот колос живучий,
Который не вянет ни в стужу, ни в зной

И где бы я ни был, в какие бы дали
Ни шел я теперь по пути своему, —
И в дни торжества, и в минуты печали
Я сердцем своим обращаюсь к нему.

И в жизни другого мне счастья не надо, —
Я счастья хотел и хочу одного:
Служить до последнего вздоха и взгляда
Живому великому делу его.

1940—1951

ДА БУДЕТ СВЕТЕЛ КАЖДЫЙ ЧАС...

Да будет светел каждый час
Вовеки нам родной страны, —
Страны, что вырастила нас,
Страны, чьей силой мы сильны!
Да будет ясен каждый день
Ее станиц и деревень,
Ее полей, ее садов,
Ее могучих городов!
И пусть для нас горит всегда
Ее высокая звезда!

1951

Внуково

СЛОВО О МИРЕ

Еще не все запаханы окопы —
Следы войны, следы прошедших гроз.
И матери — во всех концах Европы —
Еще своих не осушили слез.

Еще не стерлись тяжкие обиды,
И память павших жжет сердца живым.
И скорбно костылями инвалиды
Еще стучат по пыльным мостовым.

Но вновь уже на свете беспокойно,
Но арсеналы вновь уже полны:
И днем и ночью свой поход разбойный
Готовят поджигатели войны.

Они грозятся — атомною бомбой
Сжечь города, деревни и сады,
Загнать людей в подвалы, в катакомбы,
Лишить их света, хлеба и воды.

Они хотят — любители наживы,
Чтоб их доходам не было числа,
Чтоб вся земля Америке служила,
Чтоб вся земля рабой ее была.

Они хотят...

Но есть другие люди! —
И волю их ничем не сокрушить!
И нет еще нигде таких орудий,
Которыми их можно утратить.

В боях с врагами, сквозь огонь и воду
Они во имя родины прошли.
Они — за мир, за правду, за свободу,
За счастье всех трудящихся земли.

Они хотят, они имеют право
Растить хлеба и строить города.
Отчизна их — Советская держава —
Оплотом мира стала навсегда.

И снова в дни торжественные эти
Ее призыв звучит на целый свет,
И вместе с ней народ на всей планете
Войне сурово отвечает: «Нет!

Мы воевать за прибыли банкиров,
Мы умирать бесславно не хотим.
Нам нужен мир, и мы добьемся мира,
И для него мы сил не пощадим!»

И верю я — придет пора такая,
Когда убийцы — короли войны —
С лица земли — от края и до края —
Народным гневом будут сметены!

28 апреля 1951

ЧЕРЕМУХА

Лиде

Что, друзья, случилось со мною! —
Обломал я всю черемуху весною.

Я носил, таскал ее возами,
А кому носил — вы знаете и сами.

В сумерках спешил я из-за речки,
Целый ворох оставлял я на крылечке;

Я бросал в окошко молчаливо
Белое лесное сказочное диво.

Я хотел, чтоб девушка вниманье
Обратила на мое существованье,

Чтоб она хоть раз да услышала —
Как душа моя в черемухе вздыхала.

А она, притворная, молчала,
Словно вовсе ничего не замечала;

А она меня не пощадила, —
В пепел все мои надежды превратила.

Да к тому ж, за все мои печали,
На селе меня Черемухой прозвали.

Как иду я — шепчутся девчата:
— Дескать, вон идет Черемуха куда-то;

И поют, конечно, не случайно:
— Отчего, мол, ты, черемуха, печальна?..

И хожу я со своею болью,
Со своею несказанною любовью.

Что мне делать — сам не понимаю,
Но сирень я тоже, видно, обломаю.

1951

ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ

НА СМОЛЕНЩИНЕ

На опушке лесной собралась детвора,
И овеена ветром, и солнцем согрета:
Наступила опять золотая пора,
Золотая пора пионерского лета.

Здесь, где в давние годы бродил я один,
Здесь, где детство мое затерялось бесследно,
Запылали костры пионерских дружин,
Пионерские горны запели победно...

Все, о чем я мальчишкой не мог и мечтать,
Все, что лучшего в детстве бывает на свете,
Все дала вам советская родина-мать,
Пионеры — рабоче-крестьянские дети.

Сколько дней впереди! Сколько будет — не
счесть! —

И заманчивых дел, и забав, и походов;
Сколько песен хороших споете вы здесь
Под смоленским родным небосводом!

И хотя я судьбою обижен едва ль,
Но сегодня, у вашего шумного стана,
Мне становится чуточку-чуточку жаль,
Что родился я, может быть, рано.

Жаль, что детство мое к вам на праздничный сбор
Не придет, не пройдет по знакомой поляне,
Жаль, что вы без него запалили костер,
Что оно заплуталось в тумане...

Но в душе у меня и тепло и светло
Оттого, что такое свершилось:
То, что раньше для нас никогда не цвело,
Буйным цветом для вас распустилось.

Пусть не ваш я ровесник — не все ли равно? —
Мне от вас не уйти в этот вечер погожий...
Ну, а детство мое — может быть, и оно
Здесь незримо присутствует тоже.

И оно вам, ребята, желает добра,
Вашей дружбой и лаской согрето.
Хорошо ему с вами сидеть у костра
Золотою порой пионерского лета.

1951

Внуково

НА ПРАЗДНИКЕ ОКТАБРЬСКОЙ ГОДОВЩИНЫ..

На празднике Октябрьской годовщины
Я вспомнил вновь былые времена:
И тусклый свет невысохшей лучины,
И по весне — соха да борона;

И тощие безрадостные пивы,
С которых не получишь ничего,
И чей-то голос в поле сиротливый,
Что ждет-зовет неведомо кого...

Какая ж воля и какая сила
Была, друзья, поистине нужна,
Чтобы такую сделалась Россия,
Какой сегодня сделалась она!

Чтоб на могучем на ее просторстве
Хлеба стеной вставали по весне,
Чтоб не лучина — свет электростанций
В почном крестьянском вспыхивал окне;

Чтоб на полях моторы не смолкали,
Чтоб зацвели на севере сады
И чтоб моря, как в сказке, возникали
В сухих степях, зачахших без воды...

И мы горды, что это явью стало,
Что ты, Россия, сделалась такой! —
Исполнились великие начала,
Начертанные Ленинской рукой.

Исполнилась та клятва боевая,
Что дали все мы в памятный тот год,
Когда, слезами землю заливая,
В Москве прощался с Ильичем народ...

Ноябрь, 1951

ПОСМОТРУ Я В ЭТО УТРО РАННЕЕ...¹

Посмотрю я в это утро раннее
На родные мирные края, —
Нет на свете краше и желаннее,
Чем земля советская моя.

Ты ветрами вешними овеяна,
Ты омыта светлою водой,
И, руками нашими взлелеяна,
Наливаешь колос золотой.

Все твои богатства открываются
Для людей — в награду за труды, —
И моря в пустынях разливаются,
И шумят на севере сады.

И напрасно свора людоедская
Угрожает счастьем твоему:
Мы тебя, земля моя советская,
Не дадим в обиду никому.

1952

¹ Песня «Посмотрю я в это утро раннее...», а также следующие за ней «В летнем поле, в спелом жите...» и «Мне весною тракторист...» были написаны для кинофильма «Возвращение Василия Бортникова».

В ЛЕТНЕМ ПОЛЕ, В СПЕЛОМ ЖИТЕ...

В летнем поле, в спелом жито
Голос девичий поет:
— Люди добрые, скажите,
Где любовь моя живет?
Я звала — не слышит зова,
Я искала — не нашла...
Хоть сказала бы мне слово,
Хоть бы адрес свой дала!..

Ходит девушка, вздыхает,
Топчет в поле мураву,
А того не понимает,
Что я рядом с ней живу;
А про то она, наверно,
И не знает ничего,
Что на свете самый верный —
Адрес сердца моего.

Июнь, 1952
Внуково

МНЕ ВЕСНОЮ ТРАКТОРИСТ...

Мне весною тракторист
Говорил-рассказывал,
Что влюбился он в меня
До потери разума.

На такие на слова
Я ему ответила:
— Очень занята была, —
Просто не заметила.

Но прибавила притом:
Мол, не падо мучиться, —
Полюби еще чуть-чуть,
Может, что получится...

С той поры по вечерам
Он со мной встречается,
И как будто бы у нас
Что-то намечается.

Ой, действительно — у нас
Что-то образуется:
Каждой думкою моей
Он интересуется...

А про свадьбу я скажу,
Хоть узнать желательно:
Только снимем урожай, —
Будет обязательно!

1952
Внуково

ВОЛГО-ДОН

Мы победу великую празднуем:
Он готов, и отныне — в строю! —
Светлым именем Ленина названный,
Начинает он службу свою.

Там, где степи лежали сожженные,
Открывает он путь кораблям.
И плывут они, щедро груженные,
И к холодным и к теплым морям.

Он готов! Совершились желания,
Что веками лелеял народ.
И огней золотое сияние
Над почными степями встает.

Он готов! И земля умывается,
Словно в сказке, живою водой,
И садами уже покрывается,
И бушует пшеницей густой.

Он готов! И вовек не воротится
В этот край никакой суховей.
Это родина наша заботится
О семье о великой своей.

Июнь, 1952

ВСТРЕЧА СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Посвящается встрече врачей, окончивших медицинский факультет Смоленского университета в 1927 году и съехавшихся в Смоленск со всех концов Советского Союза

Четверть века спустя собрались они
Здесь, в Смоленске своем знаменитом,
Чтобы вспомнить студенчества славные дни,
Рассказать обо всем пережитом...

И такая хорошая встреча была,
Что у каждого сердце светилось.
И казалось, что юность совсем не прошла,
Что она в этот день возвратилась!

*Июль, 1952
Смоленск*

НОВЫЙ СВЕТ

(Об Америке времен правления Гарри Трумена)

В отличие от Старого Света (Азия, Африка, Европа), Америку принято называть Новым Светом.

Из справочника

Лежит на ней бесславных дел позор,
В ней все живое — ныне под запретом...
Так по какому ж праву до сих пор
Она еще зовется Новым Светом?

Какой он новый — этот самый свет,
Чей он слуга, заступник и ходатай, —
И негр и белый вам дадут ответ
В любом конце Соединенных Штатов.

Они расскажут, как из года в год
Дельцы карман свой набивают туго
И как бесправен трудовой народ,
Как он забит, ограблен и поруган...

Какой он новый — этот самый свет,
Поведает Корейский полуостров
На языке невыразимых бед,
На языке развалин и погостов.

Какой он новый?.. — Колорадский жук,
Что пожирает все без сожаленья!..
Возносит он превыше всех наук
Одну, свою — науку истребления.

Он засекает нивы не зерном —
Чумою и холерой засекает,
И не водой — железом и огнем
Истерзанную землю поливает.

Он жаждет вновь — чумная эта тля —
Весь мир покрыть окопами и рвами,
Он хочет сделать мирные поля
Не мирными, а минными полями.

Таким он был, такой и ныне есть!..
Нет, Новый Свет не там, за океаном, —
Он здесь, у нас! Он здесь, и только здесь
Открылся людям в октябре туманном.

Его открыл нам гением своим
Великий Ленин в грозный час восстания.
И вся земля, и все народы — с ним,
И правда говорит его устами.

Всему живому в мире светит он —
Через моря, через крутые горы;
Все, кто унижен, кто порабощен,
К нему с надеждой обращают взоры.

И навсегда, вовеки будет так, —
Один он в мире — истинный и правый.
И никакой заокеанский мрак
Не захлестнет его могучей славы!

1952

НАША ПАРТИЯ

Призрак бродит по Европе —
призрак коммунизма.

Из «Манифеста Коммунистиче-
ской партии»

Честь нашей эпохи и совесть и разум
Она воплотила в себе.
Ей — славной вовеки — народ наш обязан
Своею победой в борьбе.

Она, что поставила благо народа
И правду превыше всего,
Нигде и ни разу за долгие годы
С пути не сошла своего.

Могучая воля ее нерушима,
И неугасим ее свет.
И выше, чем тот, что она совершила,
В истории подвига нет.

И пусть не записано это в Уставе, —
Мы знаем, в чем сила ее:
Вложил в нее Ленин, ей Ленин оставил
Великое сердце свое.

И, нас вдохновляя своими делами
На подвиг, на доблестный труд,
Всегда и повсюду была она с нами —
Наставник, защитник и друг.

Мы с именем партии горы сдвигали,
В ней черпая силу свою,
А коль приходилось встречаться с врагами,
Мы насмерть стояли в бою.

И мы никому не сдадимся на милость,
Любые преграды сметем! —
Под знаменем партии — что б ни случилось —
До цели заветной дойдем!

Та цель недалёко. И срок уже близок.
И путь наш — вперед и вперед.
И бродит уже по Европе не призрак,
А явь коммунизма встает!

1 октября 1952 г.

ЛЬНОВОДКИ

(Рассказ девушки)

В колхозе «Дружба» — в поле, за рекой —
Мы со своей подружкой-звеньевой
Растили лен. И вырос он такой,
Что все надежды оправдал с лихвою.

И под вечер мы всем своим звеном
Не раз бродили по льняному полю, —
Мы шли туда полюбоваться льном
И не могли налюбоваться вволю.

И, право, непонятно — отчего,
Да и была ль причина в самом деле,
Но нам казалось, глядя на него,
Что мы и сами все похорошели.

И мы шутили, что теперь поди
Заснимет нас районная газета...
И вдруг такие хлынули дожди,
Как будто небо провалилось где-то.

Они не затихали ни на миг
Четыре дня... И лен тот знаменитый
Не устоял: сначала он поник,
Потом полег, к сырой земле прибитый.

Конец приходит, видим, долгунцу, —
Лежит он, головы не поднимая...
И, выйдя в поле, как по мертвецу,
Заплакала от горя звеньевая.

Стоим и мы. И тяжело на душе.
И выхода не видно никакого.
А между тем — то там, то здесь уже —
На стеблях плесень выступить готова...

И все ж подружка наша не сдалась,
Перед бедой не опустила руки, —
Поплакала, одумалась, нашлась:
— Давайте-ка попробуем, подруги!

Трудна работа, и широк загон,
Да ведь и нас, как видите, не мало... —
И чтоб сберечь, чтобы спасти свой лен,
Она его
Руками поднимала.

За рядом ряд, за валом новый вал,
Пока что слаб и, может статься, жалок,
Но он держался, он уже стоял,
Склонясь на перекладины из палок.

Пошли дела как будто бы на лад,
И на душе не так уже печально...
А что до палок — палок целый склад
Нарезали мальчишки моментально.

И мы про все забыли, кроме льна,
От звеньевой ни в чем не отставали.
Работали с темна и до темна,
На поле том почти и ночевали.

И как отраднo было видеть нам,
Когда наш лен — на всем своем массиве, —
Приподнятый, выравнивался сам
И день за днем все делался красивей.

Сказать по правде, мы в такой успех
Вначале вряд ли верили и сами.
Но лен стоял, и был он лучше всех,
Как звон, звенел своими бубенцами.

А дальше, что ж, — убрали без потерь,
Как говорят газетчики в отчетах.
И все звено записано теперь
В колхозном клубе — на Доске почета.

Вот вам и все, что я сказать могла, —
Как будто ничего не пропустила...
А что газета нас не засняла, —
Так нас же много — пленки не хватило.

Сентябрь, 1953

СОПЕРНИКИ

Так уж, видно, пришлось,
Так наметилось,
Что одна ты двоим
В жизни встретишься;

Что и мне и ему
Примечталась,
Но пока никому
Не досталась...

Где бы ни была ты,
Он проведает, —
За тобой, словно тень,
Всюду следует.

Для тебя для одной
Он старается,
Для тебя на «Казбек»
Разоряется;

Для тебя надо мпой
Он подшучивает,
Для тебя под гармонь
Выкаблучивает, —

Чтоб его одного
Ты приветила,
А меня б и совсем
Не заметила...

Ну, а я не такой
Убедительный,
Не такой, как мой друг,
Обходительный.

Молча я подойду,
Сяду с краюшка... —
Золотая моя,
Золотаюшка!

Где такая росла,
Где ты выросла,
Что твоя красота
Краше вымысла?

Ты и радость моя,
И печаль моя,
И надежда моя,
И отчаянье...

Если даже не мне
Ты достанешься,
И уйдешь от меня —
Не оглянешься, —

Я в себе затаю
Всю беду мою,
Но тебя упрекать
Не подумаю.

Пусть падет на меня
Неизбежное:
И тоска и печаль
Безутешная;

Сущей правды слова
И напраслина, —
Только б знать мне, что ты
В жизни счастлива!

1953

ТРИ РОВЕСНИЦЫ

За плотиною, за мельницей,
Где шаткие мостки,
На закате три ровесницы
Гуляют у реки.

То пройдут себе по берегу,
То станут над водой,
То сорвут они по веточке
С березки молодой;

То попробуют, потрогают —
Тепла ль в реке вода, —
Будто только ради этого
И шли они сюда.

А уж сумерки спускаются, —
До дому не пора ль?
И все чаще три ровесницы
Посматривают вдаль.

А вдали туман лишь стелется,
Над речкою дымит,
А вдали одно лишь слышится,
Как мельница шумит.

А на небе нет ни месяца,
Ни месяца, ни звезд...
И пошли обратно девушки,
Обижены до слез.

Три высоких чистых голоса
Над речкой поплыли:
— Что ж вы, мальчики-обманщики,
Забыли — не пришли?!

1953

В ДОРОГУ!

Много, много есть у родины моей,
Много верных сыновей и дочерей:
Отовсюду на призыв ее, на зов
Сколько сразу отозвалось голосов!

Сколько их в одном желании слилось,
Сколько нынче нас в дорогу собралось!
Отправляемся, садимся в поезда, —
Возвращаемся в колхозные места.

Но не в гости мы и едем и идем, —
Там отныне — наша улица и дом,
Там отныне наши думы и дела,
Там земля, что нас когда-то родила.

И идем мы не за славой-похвалой,
А — в долгу мы перед этою землей.
И затем мы свой задумали поход,
Чтоб исчезло даже слово — недород;

Чтоб земля советским людям за труды
Полной мерою несла свои плоды.
С тем, товарищи, мы едем и идем,
В том поруку перед родиной даем!

Сентябрь, 1953

25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Я снова думал, в памяти храня
Страницы жизни своего народа,
Что мир не знал еще такого дня,
Как этот день — семнадцатого года.

Он был и есть начало всех начал,
И мы тому свидетели живые,
Что в этот день народ наш повстречал
Судьбу свою великую впервые;

Впервые люди силу обрели
И разогнули спины трудовые,
И бывший раб хозяином земли
Стал в этот день за все века впервые;

И в первый раз, развеяв злой туман,
На безграничной необъятной шире
Взошла звезда рабочих и крестьян —
Пока еще единственная в мире...

Все, что сбылось, иль, может, не сбылось,
Но сбудется, исполнится, настанет! —
Все в этот день октябрьский началось
Под гром боев народного восстанья,

И пусть он шел в пороховом дыму, —
Он — самый светлый, самый незабвенный,
Он — праздник наш. И равного ему
И нет и не было во всей вселенной.

Сияет нам его высокий свет —
Свет мира, созидания и братства.
И никогда он не погаснет, нет,
Он только ярче будет разгораться!

1956

ТОЛЬКО КЛЕН

Памяти Лиды

С той поры, как воздали тебе
Мы последние скорбные почести,
Я остался на этой земле
В безысходном своем одиночестве.

И все горше мне день ото дня —
Неприютно, тревожно, неслаженно...
Только клен и встречает меня,
Клен, твоими руками посаженный.

Только он, что стоит у ворот
И в лучах предзакатных купается.
Только клен. Только клен. Но и тот,
Между прочим, уже осышается.

1956

ТОСТ

Мой тост и слово и присловье —
За правды сущей торжество,
За светлый разум, за здоровье,
За честь народа моего!

За славный труд, за подвиг новый,
За свет, что светит нам вдали;
За мир, где хватит счастья вдоволь
Для всех людей, для всей земли!

31 декабря 1957 г.

ФОТОГРАФ

Из района — двадцать верст с лихвой —
Он пешком пришел в село Слободку,
Чтоб заснять на вахте трудовой —
Для газеты — девушку-льноводку.

И такой уж, видно, был наказ,
Что снимал он в профиль и в анфас,
И до пояса, и в полный рост,
И на поле, и у трех берез.

Он снимал — фотограф молодой —
Без звезды и с Золотой Звездой,
Без платка и в шелковом платке,
Без цветка и со цветком в руке.

Он снимал, и снимкам счету нет, —
Хватит их для всех поди газет.
Но такой перед глазами фоп,
Что не в силах оторваться он.

Девушку берет он за плечо:
«Ну, еще разочек, ну, еще!
В «Огонек» пошлю я заодно...»
А уж пленка кончилась давно.

1959
Внуково

ЛЕНИН

Его следы от Волги многоводной
Во все края, ко всем сердцам легли.
Он стал любовью нашей всенародной,
Оплотом всех трудящихся земли.

Он в Октябре повел нас в бой суровый —
Разрушить мир насилия и тьмы,
Он завещал нам мир постронть новый,
И — в сердце с ним — его постронм мы.

Он — правда наша, сила наша, разум,
Всего живого свет и торжество.
Земля поблекла б и померкла б разом,
Когда б не знала имени его.

И чем все больше времени уходит, —
За днями дни, за годом новый год, —
Тем выше имя Ленина восходит,
Тем все светлей и шире небосвод.

Апрель, 1960

СЛАВА РОДИНЕ

Советская наша держава —
Свободных республик семья,
Нет выше ни правды, ни славы,
Чем правда и слава твоя.

В глухие и темные годы
Ты Ленина миру дала,
Для всех угнетенных народов
Ты новое солнце зажгла.

На вольных могучих просторах
Твоей необъятной земли
Рождается век, о котором
Мечтать лишь мы раньше могли.

Советская наша держава,
Хвала тебе, слава и честь
За труд твой великий и правый,
За то, что на свете ты есть.

1960

Я В ЖИЗНИ ВСЕМ ТЕБЕ ОБЯЗАН

Нашей Партии

Я в жизни всем тебе обязан,
Мне без тебя дороги нет.
И я навек с тобою связан
С далеких юношеских лет.

И там еще, под отчей крышей,
И знал и сердцем чуял я,
Что не бывает цели выше,
Чем цель высокая твоя.

Ты — ум и правда всех народов,
Заря, взошедшая во мгле;
И мир, и счастье, и свободу
Ты утверждаешь на земле.

И этот путь свой необычный
С тобой лишь мог пройти народ —
Путь от лучины горемычной
И до космических высот.

И не мечта уже, не призрак
Маячит нам во мгле глухой, —
Живое пламя коммунизма
Зажгли мы собственной рукой;

Зажгли огонь неугасимый
На благо всех людей труда.
И затемнить его не в силах
Уже никто и никогда.

И я, твой сын, и горд и счастлив,
И благодарен я тебе,
Что хоть немного, но причастен
К твоим делам, к твоей судьбе.

1961

ОПЯТЬ ИГРАЮТ ДВА БАЯНА

Опять играют два баяна
В вечернем парке на кругу.
И про тебя, мой окаянный,
Опять забыть я не могу.

Уж лучше б мне на белом свете
Своим путем идти одной...
Зачем же ты меня заметил,
В тот вечер встретился со мной?

Зачем ты мне почамы снился,
Зачем любовь мою будил?
А сам так даже не простился,
Когда отсюда уходил.

Забыла б я свои тревоги,
Мне все бы стало ни к чему,
Но ты ушел не по дороге, —
Ты шел по сердцу моему.

Прошла весна, проходит лето,
А я тебя все жду и жду...
Не знаю — где, но только где-то
Я все равно тебя найду.

1961

В ДНИ ОСЕНИ

А. И. Исаковской

Не жаркие, не летние,
Встают из-за реки —
Осенние, последние,
Останние деньки.

Еще и солнце радует,
И синий воздух чист.
Но падает и падает
С деревьев мертвый лист.

Еще рябины алые
Всё ждут к себе девчат.
Но гуси запоздалые
«Прости-прощай!» кричат.

Еще нигде не выюжится,
И всходы — зелёны.
Но все пруды и лужицы
Уже застеклены.

И рощи запустелые
Мне глухо шепчут вслед,
Что скоро мухи белые
Закроют белый свет...

Нет, я не огорчаюсь,
Напрасно не скорблю,
Я лишь хожу, прощаюсь
Со всем, что так люблю!

Хожу, как в годы ранние, —
Хожу, брожу, смотрю.
Но только «до свидания!»
Уже не говорю...

Осень, 1967

Внуково

ГОРОД МОЙ...

Город мой над рекою Десною, —
Разве ж я позабуду его?.. —
В этом городе древнем весною
Потерял я себя самого.

Теплым вечером, в час предзакатный,
В городском многолюдном саду
Потерял я себя безвозвратно
И никак до сих пор не найду.

Вам лишь только об этой печали,
Вам одной рассказал я тогда.
— Что ж, ищите, — вы мне отвечали, —
Коль случилась такая беда.

И хотя, покоряясь рассудку,
С вами в ряд продолжал я идти,
Но снести вашу горькую шутку
Невозможно мне было почти...

Через месяц я с вами простился
В том же самом саду, у берез...
Далеко я от вас очутился,
Далеко — за три тысячи верст.

Здесь теперь, на уральских заводах,
Все ищу я себя, чудака...
Я ищу уже целых три года,
Но — увы! — безнадежно пока;

В третий раз и пишу вам отсюда,
Болью сердца пишу своего...
Я в любое поверил бы чудо,
Лишь бы вы совершили его!

3 октября 1967 г.
Внуково

КАСАТКА

Приходи скорее, вечер,
Все дороги вычерни,
Все дороги вычерни,
Все тропинки вычерни.
А печаль мою о милом
Всю из сердца вычерни.

Для чего мне те дороги,
Где любовь кончается,
Где со мной мое любимство
Больше не встречается?

Только все ж оставь мне, вечер,
Хоть одну грустиночку,
Не укутывай в потемки
Хоть одну тропиночку.

Как по ней на круг сегодня
Он пойдет с трехрядкою,
Может быть, меня приветит,
Назовет касаткою.

*Декабрь, 1967
Васильевское*

НА ЗАРЕЧЬИ, ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ...

На заречьи, прошлым летом,
Помнишь, ты бродил в лугах?
Ты — на том, а я — на этом, —
Мы на разных берегах.

Ты бродил. И так хотелось,
Чтоб меня ты вспомнил вдруг.
Не пилося мне и не елось,
Не спалось и не сиделось,
Ни на что мне не гляделось,
Лишь на твой заречный луг.

Я следила зорким глазом,
Я ждала, не шла домой.
Ну, а ты — ни ра-, ни разу
Не ступил на берег мой.

Я ждала с надеждой доброй,
А пройденъ — вздыхала вслед, —
Вслед тебе, студент-географ,
Я — девчонка-культпросвет.

В берег бьет река волнами,
Бьет в один и бьет в другой.
Бьет. Но нет моста меж нами,
Нет надежды никакой...

Вот и нынче — где ж ты сгинул? —
Обещался, что весной
С первым клином журавлиным,
С первым пеньем соловьиным
Возвратишься в край родной.

Журавли-то возвратились,
Прилетели соловьи.
А куда ж запронастились,
Где каникулы твои?

И одно меня тревожит:
Не туда, не в те края
Завлекла тебя, быть может,
География твоя.

Чтоб тебя увидеть снова
Не во сне, а наяву,
Я уже не тихим словом,
Полным голосом зову.

Я зову. И — нет ответа.
Только — эхо в тех лугах...
Ты — на том, а я — на этом, —
Мы на разных берегах.

*Декабрь, 1967
Васильевское*

ФЕЛЬЕТОНЫ, ЭПИГРАММЫ, ШУТКИ

РАЗГОВОР С РЕДАКТОРОМ

Недавно сказал мне смоленский редактор:
— Напрасно ты, братец, суешься в газету, —
Ну, где же в поэме общественный трактор? —
Я грустно заметил, что трактора нету.

Но тут же добавил восторженно пылко
(Редакторский вкус изучил я до точки):
— Зато ведь — в разделе втором — молотилка
Стучит от шестой до пятнадцатой строчки.

Редактор ответил с гримасой знакомой
И делая вид, что он дьявольски занят:
— Поймите, товарищ, что орган губкома
С одной молотилкой печатать не станет...

С тех пор я покинул родную газету:
С редактором спорить не хватит зарядки...
В провинции плохо живется поэту,
Который не пипет «в ударном порядке».

1926

О ЛУНЕ

Мне странно видеть эту старину,
Когда влюбленные
И многие поэты
Всю ночь вздыхают глухо на луну,
Совсем не зная существа планеты.

В груди, конечно, может быть пожар,
На сердце даже могут быть оковы,
Но ведь луна —
Обыкновенный шар,
Притом же — шар
Довольно пустяковый

Она — волчок насупротив земли
И не в пример земному — легковесна.
И если б люди жить на ней могли,
То им, наверно,
Было б очень тесно.

У нас весной зеленый шум берез
Зовет под тень влюбленную натуру,
А там
Такой отчаянный мороз,
Что негде деться даже Реомюру.

Скажите — чем же хороша луна?
И чем ваш взор к ее кольцу приковап?
Ведь если светит иногда она,
То этот свет
У солнца уворован.

И нам искать достоинств у луны
По меньшей мере было бы наивно:
Луна,
Хотя б и с правой стороны¹,
Всегда одна —
Бледна и примитивна.

И если вас подталкивает бес
Вздыхать о ней и к ней стремиться снова,
То знайте: на луне
И ваш удельный вес
Гораздо ниже
Нашего, земного.

1927

¹ «Луна с правой стороны» — произведение С. Малашкина.

ВОЙНА С ТАРАКАНАМИ

1

В теплый край улетали грачи,
Заклубилась осень туманами...
Дед Иван
 погибал на печи,
Дед Иван
 воевал с тараканами.

Он давил их, он жег кипятком,
Он травил их какой-то отравой.
А они — на него напрямиком —
Наступали несметной оравой.

Он от них под армяк залезал,
Обворачивал руки онучами.
А они ему — в нос и в глаза, —
Старика совершенно замучили.

Сам не свой, он шептал за трубой:
— Что мне делать с отродьем пудинным?
Всем они завладели: избой,
И столом, и едой, и посудинной.

А еще говорят мужики
(Только это одна околесица):
Дескать, нам тараканы с руки, —
Тараканами счастье приносится.

Кто-то выдумал сущую ложь,
Да и выдал за правило важное:
Тараканов-то всюду найдешь,
А вот счастье у нас не у каждого.

Не понять — для чего и к чему
Есть на свете такие обманщики... —
Задремал.

И приснились ему
Тараканы и тараканчики.

2

Дед к соседям ходил иногда,
Вел беседы о давних историях.
Но и там тараканья орда
Кочевала на всех территориях.

Взбунтовалось и подняло крик
Беспокойное сердце Иванова,
И решил седовласый старик
Начинать наступление заново.

Он пришел в комсомол и сказал:
— Ваша доля годами не скошена,
И веселые ваши глаза
Много видят на свете хорошего.

А вот мы, — тут не тот уже сказ, —
Век живем дураками Иванами.
Научите ж, товарищи, нас,
Что нам делать, как быть с тараканами...

Дед стоял, опершись на клюку,
Был момент и смешной и торжественный.
И тогда подошел к старику
Самый юный и самый ответственный.

Взявшись правой рукою за стол
И тряхнув шевелюрою бурною,
Он сказал, что теперь комсомол
Революцией занят культурною:

— Вот сегодня составили план, —
Это наша работа, законная.
Таракан же — и есть таракан,
Таракан — это вещь насекомая.

И для нас он к тому же — не факт,
Есть у нас поважнее задание.
И на разных козювок никак
Обращать мы не можем внимания...

Дед не слушал. Он понял давно,
Что надежды, как в озеро, канули:
«Видно, нам, старикам, суждено
И в гробу воевать с тараканами!..»

1928

ФОРМУЛА ЛЮБВИ

(Студенческое)

Студент-математик забросил давно
Зачеты и комнату низкую.
Студент-математик сказал. «Решено!»,
Увлечшись высокой лингвисткою.

Прекрасное чувство не может расти,
Не может гореть в неизвестности,
И вот на бульваре
скрестились пути
Биномов Ньютона
и русской словесности.

Студент-математик дышал горячо,
Шагая дорожками торпыми,
И думал:
«Какое крутое плечо!
Какие прелестные... формулы!..»

Невольпо родятся в соседстве таком
И терпкая грусть, и глухое томление...
Четыре затяжки сухим табаком
И —

можно идти в наступление.

— Наташа! — сказал он без дальних ватей. —
Наташа, родная, желанная!
Изранил меня

треугольник страстей,
Заела любовь
многогранная.

Я целую зиму, в метель и в мороз,
Ходил по своим дорожкам.
И бредил я запахом черных волос,
Скитаясь у вас под окошками.

Меня от мороза бросало в озноб,
Лицо принимало окраску кирпичную,
И я начинал вытанцовывать дробь,
Сначала простую, потом десятичную.

И часто от странных приемов таких
Шарахались в сторону мирные жители;
Презрительной кличкой:

«Пропащий жених» —
Встречали меня
в общежитии.

Хотел я бежать из родной стороны
В леса ли,
в болота ли, в степи ли
И видел ночами тревожные сны —
Кошмары
в тринадцатой степени.

И все же я думал о вас без конца,
Забывши друзей и приятелей,

И все же мечтал,
чтобы наши сердца
Свести к одному знаменателю.

Наташа! Мы счастливы будем вдвоем!
Наташа, любовь моя первая!..

Лингвистка сказала,
что этот прием —
Всего лишь
простая гипербола.

1928

СТАРУШКА

На самом краю небольшого села
Стояла, понятно, избушка.
И в этой понятной избушке жила —
Вне всяких сомнений — старушка.

За пост и молитвы, за кротость свою,
Не раз перед образом стоя,
Просила она себе место в раю —
Хотя бы поплотнее какое.

И, так помолившись в почной тишине,
Гасила оплывшую свечку,
И в свете луны, что сияет в окне,
Она возносилась на печку.

1929

НАШ СВЯЩЕННИК

Уж сколько лет одну и ту же
Ведет он линию свою:
Обедню нехотя отслужит,
Побьет от скуки попадью;

Младенцев крестит, а случится —
В могилу старца отпоеет.
А сам притом ворчит и злится,
Что не усердствует народ, —
Что мало и детей родится,
И редко-редко кто помрет.

И, наставляя наши души
На путь молитвы и поста,
Он каждодневно водку глушит
Во имя бога и Христа.

И, горько жалуясь на грыжу,
Выходит, пьяный, на крыльцо...
Я на закате часто вижу
Его священное лицо.

1929

О НЕКОТОРЫХ ДЕРЕВЕНСКИХ ПОЭТАХ

I. Письмо в редакцию от поэта Ивана Безудержного

(Почти подлинник)

Некоторые крестьянские писатели не желают учиться. Они заявляют, что у них — врожденный талант, что они — самородки и потому им не нужна никакая учеба. В конце концов из них выходят люди, которые очень много о себе думают и ничего не делают, то есть графоманы.

Из одной статьи

Что ж молчат сотрудники газеты
И ответственные редактора?
Гибнут ведь крестьянские поэты
И в тоске уходят со двора.

К их стремлениям — все глухи и немые.
Вот и я — Безудержный Иван, —
Сочинил я сорок три поэмы
И вполне ответственный роман.

Я стремился выбиться из мрака,
Славу я хотел завоевать.
Я писал. Но ни одна собака
Здесь меня не хочет признавать.

Все мне ставят колкие преграды,
Мой талант навеки хороня.
(Только раз, товарищи с досады
Обругали Пушкиным меня.)

Знать, в стране березового ситца
Места нет бунтующей судьбе.
Напишу в редакцию — «Учиться, —
Отвечают, — надобно тебе».

Я бегу в поля и огороды,
Не стерпев подобной чепухи:
Вы поймите, я же — самородок,
Урожденный гений от сохи!

Для чего же мне учеба, школа?..
А еще уведомляю вас:
Выгнали меня из комсомола
За отрыв от комсомольских масс.

Не дают мне, молодому, воли,
Ниоткуда мне поддержки нет...
Впрочем, пусть их! — не был в комсомоле
Ни один классический поэт.

Ну, и я махнул на неудачу, —
Пустьяки все это, ерунда!..
Не жалею,
Не зову,

Не плачу, —
Все пройдет
Как с гуся вода.

К сему *Иван Безудержный*.

Постскриптум:

Друг редактор! Сотоварищ, брат!
Я хочу тебе напомнить кстати:
Вышли мне писательский мандат, —
Пусть увидят, что я есть писатель.

Пусть мандат враги мои прочтут
И поймут — какой я в самом деле.
Я прошу вас — не поставьте в труд,
Помогите мне добиться цели.

Иван Безудержный.

2. Молодой поэтик...

Молодой поэтик
Написал про цветик,
Написал про цветик
Сто один куплетик.

Дескать, цветик-роза
Алая была,
В тишине колхоза
Пышно расцвела.

И до самых поздних,
До глухих времен,
Молодой колхозник
В розу был влюблен.

Вечера у розы
Проводил не раз,
Проливая слезы
Из колхозных глаз...

А другой о птичке
Написал лесной
И о том, что светит
Солнышко весной;

Травка зеленеет,
Выйдя на лужок...
Очень интересный
Выходил стишок!

1930

«МЕДНЫЙ ГОСТЬ» В РЕДАКЦИИ

Посвящается одному из сотрудников смоленской газеты «Большевистский молодец», который выступает под псевдонимом Глеб Медный, причем псевдоним этот как нельзя лучше выражает и внешнюю, и внутреннюю сущность его посетителя.

Вследствие недостатка металлов начинается сбор металлолома.

Из газетной хроники

Гвозди бы делать из этих людей.

Н. Тихонов. «Баллада о гвоздях»

Он ранит взглядами навывлет
И дряхлых дедов, и юнцов.
Могучий лоб из меди вылит,
Из бронзы сделано лицо.

А грудь — вы, может быть, видали, —
Она по плану сложена:
В ней пятьдесят процентов стали
И ровно столько ж чугуна.

И если голод мучит Глеба,
И если Глеб не очень сыт, —
Наверняка он вместо хлеба
Употребляет антрацит.

Когда ж он произносит речи,
Своей уверенностью пьян,
То кажется, что дождь картечи
В гигантский хлещет барабан.

Зачем ему слова живые?
Их для него на свете нет.
Он знает лишь передовые —
«Железный стиль» плохих газет.

И всех громит он с шумом, с треском, —
Грохочет медная гроза.
Горят невыносимым блеском
Его свинцовые глаза.

И очень верно мой знакомый
Сказал однажды про него,
Что это — склад металлолома,
А не живое существо,

И что газете неуместно,
Нельзя держать таких людей,
И было б более полезно
Наделать из него гвоздей.

1930

Смоленск

«ОДЕМЬЯНЕННЫЙ» ПОЭТ

В нашем городе жил он четырнадцать лет, —
По профессии — лирик и пьяница.
Но однажды, на речь Авербаха¹ в ответ,
Он в ударном порядке решил «одемяниться».

И теперь по-прежнему творит и живет,
И его достижения — огромны:
Что ни тема — грохочет гигантский завод,
Что ни строчка — пылают вагранки и домны.

Он в редакциях — свой. Он остриг волоса.
И, работая лишь по заданию,
Он в газете в какпе-нибудь полчаса
Проводить наловчился любую кампанию.

Вам нигде и ни в чем не угнаться за ним,
Он — в две тысячи градусов пламенный.
И не зря у него боевой псевдоним —
«Тимофей целиком Одемяненный».

1931

¹ Авербах Леопольд Леонидович — один из руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), которая в свое время выдвинула глубоко ошибочный вульгаризаторский лозунг «одемянивания» литературы.

ЗАПИСКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СЕЛЬСКОГО СОВЕТА О ПУТЯХ СООБЩЕНИЯ

Не зря занимается наш Автодор
Решеньем дорожной проблемы:
С далеких времен,
С незапамятных пор
В дорогах нуждаемся все мы.

Везде кутерьма — на полях и в лесу,
И я,
Председатель совета,
Хотя и другую нагрузку несу,
Но все ж отвечаю за это.

И я секретарше своей говорю —
Товарищу Бубновой Кате,
Что лично пойду
И мосты осматрю,
И лично
Обследую гати.

Взята установка.
Намечена цель.
Все, в общем и целом,

В порядке.
Беру со стола карандаш и портфель,
Иду
Выявлять недостатки.

Весна впереди, и весна позади,
И солнце печет не на шутку...
Вдруг слышу:
— Товарищ Потапов, зайди!
Зайди, — говорят, — на минутку!

Куда ты, как ветер, летишь напролом?
Умерь молодую походку... —
Зашел я и вижу:
Сидят за столом
И хлещут, проклятые, водку.

— Тебе, — говорят они, — друг, повезло, —
Но я отвечаю спокойно,
Что водка у нас —
Социальное зло
И мне выпивать непристойно.

Они ж не пускают меня от стола:
Чего нагоняешь, мол, страху?..
И чайный стакан
Социального зла
Я выпил с единого маху.

А после в своих дорогих сапогах
Плутал по грязи
На каком-то участке
И чувствовал:
Нет ни в руках, ни в ногах

Хотя бы малейшей
Увязки.

Я сбился с дороги, усталый и злой,
Дошел до предела, до точки.
И ночью,
Свалившись с катушек долой,
Заснул одиноко на кочке.

Налево шумела забытая ель,
Направо — плакучие ивы...
К тому же
Посеял я новый портфель,
И деньги,
И все директивы.

И вот нахожусь
Перед грустным концом:
Мне нет
И не будет прощенья...
А в сущности,
Здесь виноваты во всем
Плохие
Пути сообщения!

1931

РОМАН

(С натуры)

Каждый день в квартире глянец
Эта женщина наводит.
Каждый вечер иностранец
К этой женщине приходит.

Встречи их ненарушимы, —
Все обдуманно заранее.
До утра скрипят пружины
В перегруженном диване.

Ну, а утром надевает
Он рубашки и подтяжки,
И у лампы «забывает»
В двадцать долларов бумажки.

И хозяйка очень рада,
Да и есть на то причины:
Ничего ведь ей не надо,
Кроме денег и мужчины.

Но когда нейдет к ней мистер —
Сколько жалоб, сколько стонов! —
Не проси тогда амнистий
Для московских телефонов.

Днем и ночью балабонит,
Днем и ночью рвется к другу.
И, крича, с квартиры гонит
Неповинную прислугу.

Велики ее страдания,
Страсть ее неугасима...
Наконец, он ей свиданье
Назначает у Торгсина¹.

Путь открыт. Конфликт улажен.
Заживает в сердце рана.
Приступают персонажи
К продолжению романа.

1932

¹ Торгсин — существовавшая в первой половине тридцатых годов организация по торговле с иностранцами

РОДСТВЕННИКИ

...И снова день погиб. Ушел, растаял, канул,
И я ничем не мог спасти его:
Есть средство против блох, клопов и тараканов,
Но против родственников —
нету ничего.

Хотя б заметку написать в газету
Иль выдумать какой-нибудь закон,
Чтобы они, шатаясь по свету,
Не напирали сразу с четырех сторон.

Я понимаю: путь их очень длинен,
И то, и сё, и запоздал транзит...
Но если я ни капли не повинен, —
За что же мне напосится визит?!

Конец покою и конец работе!
Сплошной разгром на письменном столе:
Нахлынули троюродные тети —
Десятая вода на киселе;

Какие-то племянники и дяди
Набросились с обидой на меня:
— Чего, мол, нос уткнул в свои тетради,
Когда с тобою — кровная родня!

Я чту, конечно, родственные узы,
И родственные чувства берегу,
Но признаюсь, что корки от арбузов
На рукописях видеть не могу.

Мне даже грустно делается вроде
И клонится печально голова,
Когда я слушаю рассказы о погоде,
О вещих снах и ценах на дрова.

Но вот и ночь. Покоя каждый хочет.
Кончается приятный разговор.
И превращается моя жилплощадь
В битком набитый постоянный двор.

Свободных мест нигде, конечно, нету,
Не запят разве только потолок.
И хочется тогда идти «искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок».

Нет, если перемен не будет в этом мире,
Я не позволю над собой шутить:
Возьму да и повешусь в собственной квартире,
Чтоб родственникам сразу отомстить!

**КАК НА СТАНЦИИ АГРЫЗ ВАЛЕНКИ
ВЫДАВАЛИ**

(Рассказ старого кондуктора)

Достал человек из кармана ключи,
Открыл не спеша кладовку:
— Ну, что ж, — говорит, — заходи, получи,
Возьми, — говорит, — обновку...

Зашел я в кладовку, и валенки мне
Он выбрал из груды товара:
— Вот эти, — заметил, — подходят вполне,
Вполне симпатичная пара.

Взглянул я и ахнул, и даже присел:
Да что же, товарищи, это?
Один-то мой валенок — черный совсем,
Другой же — молочного цвета.

А он говорит:

— Не волнуйтесь, отец,
Не делайте этакой позы!
Не я же развел разношерстных овец, —
Разводят, конечно, колхозы.

И если такая не нравится масть,
Тогда не берите, не падо!
Нельзя же хотеть, чтоб Советская власть
Для вас перекрасила стадо...

Ну, вижу, попался порядочный гусь,
Но мне не ходить же разутым.
— Давай, — говорю, — до весны обойдусь,
Запачкаю, что ли, мазутом...

Сижу в уголке. Примеряю пока.
И вижу, что валенки —

разных размеров:
Один оборудован под старика,
Другой же
имеет в виду пионеров.

И снова подходит ко мне человек:
— Примерь, мол, приятель, попробуй.
Не сносишь, пожалуй, за целый свой век
Такую отличную обувь.

А я говорю:

— Перестань голосить!
Язык у тебя ненадежный.
И где уж мне валенки эти сносить,
Коль их и надеть невозможно!

И тут он вскипел, как в кастрюльке вода,
И начал, и начал ругаться:
— Зачем вы, — кричит он, — явились сюда?
Зачем? Надо мной издеваться?!

Я знаю отлично работу свою,
Не зря получаю зарплату.

И как мне приказано, так и даю —
По норме,
По форме,
По штату!

Берите скорее — и вся недолга!
А дальше уж дело не наше.
И если у вас не проходит нога,
То пусть отвечает мамаша!..

1933

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

Сторож плотно запер будку,
Глянул внутрь через окно.
И, подумавши минутку,
Заспешил на полотно.

Водит ветер хороводы,
Вечер бродит по кустам.
По Казанке полным ходом
Машинист ведет состав.

Взгляды зорки, руки ловки,
Только знай себе — лети!
Вдруг сигнал об остановке
Он увидел на пути.

Дальше, значит, путь опасный —
Ведь не зря ж над головой
Свой фонарь кроваво-красный
Поднял сторож путевой.

Машинист — за тормоз разом, —
Выручай, коль так пришлось!..

— Почему нам путь заказан?
— В чем угроза?
Что стряслось?

Сторож вертит папиросу
И, бумагою шурша,
На тревожные вопросы
Отвечает не спеша:

— Нет... Какая там угроза?
Что напрасно говорить...
Просто мне от паровоза
Захотелось прикурить.

Прикурю — и можно трогать.
Заходите-ка в вагон.
Здесь отличная дорога —
Этот самый перегон.

От такого оборота
Вся бригада смолкла вдруг.
Только дважды плюнул кто-то,
Кто-то выругался вслух.

Да кондуктор, в землю глядя,
Плел затейливый узор:
— Эх ты, Сема!
— Эх ты, дядя!
— Эх ты, старый мухомор!.

Сторож, мрачный от обиды,
Шел домой, мундштук грызя:
— Ишь какие нынче виды,
Прикурить — и то нельзя!..

Не работа — наказание,
Даже зло тебя берет!..
Выходя из расписанья,
Поезд двинулся вперед.

Может быть, такого случая на Казанской дороге и не было.
Может быть... Но нечто похожее определенно было.
Поезд № 801 на всех парах проходил перегон Горки-Подлип-
ки. Путевой сторож внезапно поднял над головой красный фо-
нарь.

Поезд остановился.

— В чем дело? — спрашивают у сторожа.

— Да ничего такого, — отвечает тот. — Не волнуйтесь. Уж и
остановить нельзя... Просто я хотел испытать — верно ли, что по
этому сигналу останавливается любой поезд. Теперь вижу, что
верно... Прошу трогать...

Сторож, как видите, от паровоза не прикуривал. Но не все
ли это равно?

ФИЛОСОФЫ ИЗ ВТОРОГО РАЙОНА

Руководители второго эксплуатационного района Казанской железной дороги плохо заботятся об удовлетворении жилищных нужд работников дороги. Многие из них по нескольку месяцев живут без квартир, ютятся где попало, спят на письменных столах в канцеляриях и т. п.

Из письма в редакцию

Застыло все, заledenело, —
Зима проходит по земле.
И вам, конечно, надосло
Житье на письменном столе.

И вот в район летят запросы
Насчет жилья, насчет угла.
Но, видно, там большой философ
Ведет квартирные дела.

Он вам прочтет правоученье,
Он скажет вам: квартира — тлеп.
Затем доложит в заключение,
Как жил на свете Диоген:

— Насчет квартир прекрасных правил
Держался этот самый грек:
Он добровольно дом оставил
И в бочке прожил целый век.

Вы представляете — в бочонок
Без рассуждения залез.
Вы понимаете — ученый,
А не какой-нибудь ДС!¹

А вам — квартиру непременно,
Вам — дом величиной с Казбек!
Учитесь жить у Диогена, —
Он был великий человек!

1933

¹ ДС — начальник станции.

НЕ ДЛЯ МЕНЯ ПРИШЛА ВЕСНА...¹

Секретарь бюро нашей
комсомольской ячейки ничего
не сделал и не делает для
весеннего сева. По целым дням
он сидит в ячейке и без кон-
ца что-то пишет.

Из письма в газету

Шуршат листы. Скрипит перо.
Гора бумаг растет все выше...
Он целый день в своем бюро
Сидит и все о чем-то пишет.

Порой посмотрит в синь окна,
И отвернется вдруг сурово.
— Не для меня пришла весна, —
Прошепчет он и пишет снова.

И вновь привычная рука
Пером выводит закорючки...
Писать, писать ему — пока
Он не донимается до ручки!

1933

¹ «Не для меня придет весна...» — строка из старинного романса.

ШКОЛЬНИКИ

Когда у нас день, в Америке ночь.

Из учебника географии

В сентябрьский день, дорогою прямой,
Неторопливо, сдержанно, солидно
Из школы двое шествуют домой —
С урока географии, как видно.

Один — пофилософствовать не прочь,
Он говорит, помахивая ранцем:
— У нас вот — день, а в это время ночь
У этих, как их там, американцев.

Ведь правда, получается чудно:
У них — темно, у нас же солнце всходит;
У нас — обед, а там уж спят давно, —
Все шиворот-навыворот выходит.

И так всегда — и сто, и тысячу лет... —
И, от земли не поднимая взгляда,
Второй сказал презрительно в ответ:
— Буржуи, что ж... Так им, чертям, и надо!

1933

ПИСАТЕЛЬСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

*(Поется на мотив белорусской песни
«Бывайте здоровы»)*

Бывайте здоровы,
Пишите богато.
А мы уезжаем
До Гослитиздата.

Желаем, чтоб каждый,
Как надо, трудился,
Чтоб стол от стихов
От хороших ломился;

Чтоб все их читали
С большою охотой,
Чтоб к ним, если надо,
Нашлись бы и ноты.

Еще пожелаем
Для полной программы:
Чтоб шли на театре
Все новые драмы;

Чтоб вы сочиняли
И ярко и сильно,
Чтоб вы не забыли
Дорогу к «Мосфильму».

Еще пожелать вам
Немного осталось:
Чтоб по ста романов
В году появлялось.

А если, по счастью,
И вдвое прибудет,
Никто с вас не спросит,
Никто не осудит.

Так будьте ж здоровы,
Пишите богато,
А мы уезжаем
До Гослитиздата.

1938

ПОРОСЯТА

Поутру пришел в отряд
Дед лесной тропой,
Двух отличных поросят
Притащил с собою:

— Пусть побегают пока
В нашем вольном стане... —
И пустил у большака
На большой поляне.

Кто-то стал над ним шутить:
Дескать, что ты, старый?
Немца, что ли, угостить
Хочешь этой парой?

— А хотя бы и его, —
Дед ответил смело, —
Поросята — ничего,
Не испортят дела.

Пусть приходит хоть сейчас
И — уж будь надежен! —
И накормим в самый раз,
И в постель уложим...

Посмеялись, и в кустах
Скрылись партизаны,
Только старый — ни на шаг
От своей поляны.

Сел на пенё, достал кисет,
Смотрит на дорогу:
— Едут немцы или нет
К нашему порогу?

Курит, шутит сам с собой,
Греясь на припеке...
Над поляною лесной
День стоит высокий;

Ходит ветер, чуть дыша,
По траве несматой
И копают не спеша
Землю поросята.

Час и два сидит старик,
Ожидая срока...
Вдруг зафыркал грузовик
Где-то недалеко.

Мигом в чащу юркнул дед,
Командиру шепчет:
— Гости едут на обед, —
Угощай покрепче!..

Видят немцы: что за черт? —
Посредине бора
Поросята — первый сорт —
Ходят без надзора.

Ходят в мирной простоте,
Тихо землю роют.
А у немцев в животе —
Словно волки воют.

Кто ж из немцев в этот миг,
Кто б не поживился?
Тут уж даже грузовик
Сам остановился.

(Грузовик у них такой —
Вымуштрован тонко:
Тормозится сам собой,
Встретив поросенка.)

Лихо с места сорвалась
Бравая пехота,
На поляне началась
Жаркая охота.

Обложили поросят
Сзади, слева, справа;
Ловят, бегают, галдят
Всей своей оравой.

Взяли, бедных, в переплет, —
Никакой пощады!..
Тут и ахнул пулемет
В немцев из засады!

Те, пока в себя пришли
Да назад махнули,
А уж пятеро легли,
Ноги протянули.

Впрочем, скоро всем нашлось
Место с ними рядом:
Здесь не тратит на авось
Партизан зарядов!

Все свалились, как один,
Безо всякой фальши, —
Ни один собачий сын
Не поехал дальше.

Поглядел кругом старик, —
Чистая работа!
— Разыграли, — говорит, —
Немца, как по потам.

Ловко встретили его,
Крепко дали сдачи! —
Поросенок — он... того..
Очень много значит!

Осень, 1941

ОЙ, РУГАЛА Я СУДЬБУ...

Ой, ругала я судьбу,
Ой, беда нагрянула! —
Занесло ко мне в избу
Немца окаянного.

Приказал белье стирать,
Жарить кур награбленных.
И улегся отдыхать,
Как Адам — под яблоней.

Все б и дальше так пошло, —
Тут придумать нечего.
Да примчались на село
Партизаны вечером.

Заметался мой Адам,
Гнется в три погибели:
Дескать, все тебе отдам,
Коль спасешь от гибели;

Дескать, спрячь меня в дому
В этот час рискованный...
И раскрыла я ему
Свой сундук окованный.

Влез мой немец и затих, —
Было, знать, невесело.
Крышку я закрыла вмиг
И замок навесила.

А потом зову домой
Гостя долгожданного:
Полюбуйся, милый мой,
Каково приданое!

Погляди-ка, что тут я
Нынче отчубучила, —
Специально для тебя
Немца засундучила!

1942

КАМЕШКИ

Если враг обеспокоен,
Значит, вновь пришел Иван —
Знаменитый русский воин,
Приднепровский партизан.

По неведомым дорогам
Бродит он из края в край,
И фашистов понемногу
Отправляет прямо в рай.

Тихо выйдет на опушку,
Подождет, и в пужный час
Вмиг возьмет врага на мушку,
Укокошит в самый раз.

Укокошит, уничтожит, —
Бьет без промаха Иван, —
И для памяти положит
Белый камешек в карман;
Скажет: — Снова есть один!
Снова двести десятин!

И опять спокойным шагом
По лесам да по оврагам

Он уходит в дальний путь,
Чтобы немцу-чужеземцу
Глотку пулею заткнуть.

Ясным днем иль ночью черной
Он всегда мишень найдет.
И — глядишь — в карман просторный
Новый камешек кладет:
— Снова, стало быть, один!
Снова двести десятин!..

И живет Иван, не тужит —
Удалая голова...
— Только ты скажи нам, друже,
Как понять твои слова?
Почему на десятины
Ты ведешь убитым счет?..

— Есть на то свои причины, —
Отвечает патриот, —
Прошлый год, когда с Россией
Вздумал Гитлер воевать,
Приказал он генералам
Всех солдат к нему позвать;
Всех солдат и офицеров,
Палачей и кровопийц,
Всех воров и изуверов,
Людоедов и убийц.
Видно, в них разжечь отвагу
Захотел немецкий псих
И поэтому бумагу
Выдал каждому из них.
В той бумаге напечатал:
Дескать, так придумал я,

Чтобы жили все солдаты,
Как бароны и князья;
Дескать, я назначил сроки
И предвижу день и час...
Посмотрите — на Востоке, —
Сколько там земли для вас!
Так идите ж, забирайте,
Добивайтесь своего!
Бейте русских, разоряйте,
Не жалейте никого!
Пусть не ждут они пощады,
Пусть полягут, как один!..
Я за это вам в награду
Дам по двести десятиц.
Заживете вы спокойно, —
Будет слава и доход...

С той бумагою разбойной
И пошли они в поход.
Шли войной молниеносной,
Истребительной войной
За крестьянской, за колхозной,
За советскою землею.
Залылали наши хаты,
Застонали города...
И взяла меня, ребята,
Злоба лютая тогда:
— Ишь, придумали бумагу,
Ишь, нашелся фон-барон! —
И немецкого бродягу
Зарубил я топором:
— Вот те двести десятиц,
Проходимец, сукин сын!

Подыхай, собачья милость,
Ожидай другого дня!...

С той поры и появилась
Поговорка у меня.
С ней ушел я в глушь лесную,
С ней повел своих друзей
Очищать страну родную
От баронов и князей.
Раздобыли мы винтовки,
Захватили пулемет.
В преисподнюю путевки
Немцам пишем круглый год.
Где штыком, где пулей меткой
Бьем баронов наповал.
Сто квадратных километров
Я один отвоевал.
Покосил я, псов, немало
И всегда готов косить,
Только жаль вот — трудно стало
Эти камешки носить...

«ВСЕ ХОРОШО»

(Размышления гитлеровца)

Немецкое радио недавно
заявило, что русские разбиты,
хотя они и не желают этого
понять.

Из газет

Все хорошо. Пути для нас открыты.
Недаром фюрер говорит опять,
Что русские давным-давно разбиты,
Хоть не желают этого понять.

Все хорошо. И лишь одно досадно:
Не зная, что они побеждены, —
Красноармейцы бьют нас беспощадно
И выгоняют из своей страны.

Коль так пойдет, то все случиться может, —
Где ты найдешь управу на таких?
Они нас просто могут уничтожить,
Пока поймут, что мы разбили их.

25 декабря 1941 г.

ПОСЛАНИЕ ДИРЕКТОРУ ЛИТФОНДА

Г. Б. ХЕСИНУ ОТ ПОЭТОВ

В годы войны Литфонд выдавал особо нуждающимся писателям пальто, костюмы, ботинки. Это были своего рода подарки, как их и называли тогда. Одно время прошел слух, что Литфонд получил для писателей шляпы. Но шляпы эти были розданы как-то незаметно. Во всяком случае, лишь очень немногие писатели оказались владельцами шляп. Это и послужило поводом для послания директору Литфонда.

Товарищ Хесин! С нами Вы
Неверно поступили:
Одели с ног до головы,
А голову — забыли.

Мы, может, приняли б и так
Подарок Ваш с восторгом,
Но голова ведь — как-никак —
Немаловажный орган.

Есть в ней значение свое,
И это пригодится:
Нельзя, к примеру, без нее
В Литфонде поклониться.

К тому же в ней поэт хранит
Все творческие планы:
Как поскорей достать лимит
Большой и постоянный;

Как в клубе литерный обед
Урвать без разговоров...
Да мало ль что таит поэт
Под головным убором!

И мы Вас просим — здесь, в Москве,
Дать срочно указанье,
Чтобы в Литфонде к голове
Повысили внимание;

Чтобы она — пошли ей бог! —
Ценилась неизменно
Превыше ягодич и ног,
Превыше прочих членов.

И все об этом говорят —
Ее украсить надо,
Достойный выдать ей наряд
С литфондовского склада,

Чтоб красовалась голова
На всем своем этапе
И говорила б вся Москва,
Что, дескать, дело в шляпе!

1944

ЗУБЫ

*Драматическая история, происшедшая в семье поэта-переводчика
Бориса Сергеевича Бурштына (он же Иринин)
(Дружеская поэма-шутка)*

Вот что наделали песни твои.

Из какого-то романа

Конечно, вы знаете все Бурштына?
В столице, на улочке тихой,
Запасшись терпением на все времена,
Снимая какой-то чулан без окна,
Он жил со своей Бурштынской.

И, будучи крепкой опорой семьи.
Работал в своем уголке.
Подписывал он переводы свои
Иринин — по имени дочки.

Все шло, как и надо. Все шло ничего.
И было работать приятно.
Картошку варила жена для него
И прочую пищу, понятно.

Короче сказать — что ни месяц, ни год —
Пеклась о талантливом муже
И знала на память любой перевод
И все варианты к тому же.

И знала, конечно, количество строк —
Немного их было иль много —
И сколько заплатят, и скоро ли срок,
И сколько удержат налога.

Все шло, как и надо. Все шло ничего.
И вдруг — несомненная убыль.
И вдруг у поэта — не знаю с чего —
Сработались, выпали зубы.

Сначала Бурштын запечалился, сник,
Но дни проходили за днями,
И он постепенно стерпелся, привык
К тому, что расстался с зубами.

Он даже про зубы совсем позабыл,
Друзей уверяя при этом —
Всегда, мол, я в жизни своей не любил
Ходить по зубным кабинетам;

Всегда сторонился больниц и аптек,
Глядел на них сумрачным взглядом...
Однако ж не волен в себе человек,
Когда благоверная рядом.

И ясно — пристала она и к нему,
Словами, что копыями, целясь:
— Пойми же ты, Боря, тебе ж самому
Нужна эта самая челюсть!

Ты что ж, записался в разряд стариков? —
Туда тебя, видимо, тянет?
Да знаешь ли ты, что тебе Мозольков
Давать переводов не станет!

Он скажет — ты выдохся, сделался стар
И даже не можешь ругаться...
Меж тем в переводах с Сусанною Мар
Ты мог бы еще потягаться.

И с Бродским¹ ты мог бы идти наравне,
Сам Хесин тебя бы заметил...
— Всё сделаю. Ладно! — Ирпий жене
Сквозь бывшие зубы ответил.

И сделал, конечно. Загладил вину.
Всё вставил — и сверху и снизу.
И очень обрадовал этим жену —
Свою благоверную Лизу.

Пожалуй, и кончить бы надо на том,
Но Лиза увидела вскоре,
Что вместе с зубами явилось в дом
Большое неожиданное горе:

Все чаще и чаще уходит поэт
И — как там поется на сцене? —
Уж близится полночь, а Германа нет
И Лиза полна подозрений...

¹ Е. Мозольков — литературовед, в то время редактор Гослитиздата; Сусанна Мар и Д. Бродский — переводчики.

Бывало, мы с ним разговор заведем:
Мол, где это ты пропадаешь,
Куда отправляешься ночью и днем,
С кем время свое коротаешь?

А он отвечает: — Я вот что скажу, —
Не к месту намеков ваш коварный:
Ну, где же бывать мне? Ну, в клуб захожу —
Орудую кием в бильярдной.

Мне, знаете, нравится эта игра,
Себя я в ней чувствую славно.
Ах, если б вы знали — какого шарá
Я в лузу отправил недавно!..

Ну, что ж вам еще? — продолжает Бурштын,
В Литфонд иногда забегаю,
Потом по пути загляну в магазин,
В Союзе частично бываю;

В Гослит захожу от поры до поры, —
Да мало ли всякой обузы?..
Не стали судить мы — какие шары
В какие он вкатывал лузы;

Какие там в клубе кии и бильярд,
Но знали — жена всполошилась:
Ты, дескать, не кот, да и месяц не март, —
Не зря ли головка вскружилась?!

Ты думаешь, что же, коль зубы во рту,
Так можно жену обесславить?
Нет, милый! Я мигом твою красоту
Сумею на место поставить!..

Так Лиза грозилась... Но все б ничего,
Да новая вышла тут драма:
В те самые дни пригласила его
На дачу какая-то дама.

И там, говорят, абсолютно вдвоем
Сидели они у камина,
И дама поила поэта вином
И, кажется, чем-то кормила;

И, видимо, пели в саду соловьи,
Любовные славили узы...
Вот вам и бильярд, и шары, и кии,
Вот вам и союзы, и лузы!

И тут уже Лиза стерпеть не могла,
Простить не хотела поэта!
Лишь вынул он зубы, она их взяла
И сразу же спрятала где-то.

И, тяжкую боль выливая свою,
Сказала словами Тараса:
— Я их породила, я их и убью!
Забудь про них с этого часа!

Поэт! До какой же он дожил беды!
Сидит он теперь да скучает,
И зубы свои лишь на время еды
Поэт от жены получает.

Вернуть навсегда их — какая ей статья?
— Вернешь — заведет комсомолку.
А так я спокойно могу засыпать... —
И снова кладет их на полку.

Все стойко выносит наш друг и герой, —
Такая уж, видно, судьбина.
И только свои переводы порой
Поет на мотив «У камина».

И думает горькие думы свои,
А вечер безрадостный длинен...
Так вот что наделали зубы твои,
Поэт-переводчик Иренин!

1944

СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ П. М. КАЗЬМИНА

У П. М. Казьмина — руководителя хора имени Пятницкого — в Ленинграде (в гостинице) крысы прогрызли портфель и съели все в нем находившееся. Боясь крыс, Казьмин перестал почевать в гостинице.

Из хроники хора имени Пятницкого

Это все — не шутки ради,
Это было в самом деле:
Ночью крысы в Ленинграде
Казьмина чуть-чуть не съели.

И жене, подсев к окошку,
Он писал, объятый страхом:
— Умоляю — вышли кошку, —
Если можно — телеграфом.

1945

ПОЭТ И ЯЙЦО

(Печто вроде басни)

Один поэт сюжет искал,
Гуляя вне столицы.
И вдруг на кочке увидал
Яйцо какой-то птицы.

— Нашел! Нашел! — воскликнул он,
И, видимо, за это
К священной жертве Аполлон
Потребовал поэта.

Поэт уселся у ольхи
На той же самой кочке
И стал высиживать стихи —
В неделю по две строчки.

Он так старательно сидел,
Что даже волос поседел.

Недели три на том яйце
Сидел поэт московский
И вывод высидел в конце
Глубоко философский.

Он кончил так: «Слабо оно:
Надавишь пальцем — брызнет.
И все же в нем заключено
Начало птичьей жизни...»

Он был бы прав в конце концов,
Но вот в чем запятая:
То было вовсе не яйцо,
А скорлупа пустая.

1945

И. Н. РОЗАНОВУ,

*собравшему около ста вариантов (переделок)
песни «Катюша»*

Это, право ж, очень странно,
Прямо горе для жены:
В Никанорыча Ивана
Все Катюши влюблены.

Подойди-ка да послушай —
Хоть зимою, хоть весной:
Что ни вечер — он с Катюшей,
И притом же не с одной.

По две, по три ходят разом,
Как не ходят ни к кому.
Словно медом он обмазан, —
Так и ластятся к нему!

Он досуг свой с ними делит,
Он сидит средь них, как пан.
Вот какой на самом деле
Этот Розанов Иван!

14 июля 1945 г.

А. СУРКОВУ

*(По случаю назначения его
редактором журнала «Огонек»)*

Это верно: мы, быть может,
Не обижены судьбой.
Только нам, Алеша, все же,
Не угнаться за тобой:

У тебя теперь — конек
Под названьем «Огонек».

Ты помчишься без преграды
По пути по своему.
И, конечно, очень рады
Мы успеху твоему.

Просим только: на дороге,
Нас приметив вдалеке,
Пощади ты наши ноги, —
Подвези на том коньке!

1946

ОПЛОШНОСТЬ

(Рассказ об одном районном начальнике)

Наш колхоз по телефону
Извещал он всякий раз:
Дескать, езжу по району,
Буду, значит, и у вас.

Надо встретиться с народом,
Разузнать про все дела,
Говорят, что много меду
Ваша пасека дала...

Говорил он веско, четко
И кончал, бывало, так,
Что яичница и водка —
Это тоже важный факт.

Пить он мог и днем и ночью, —
Не за свой, конечно, счет.
И любил он, между прочим,
Чтобы был ему почет;

Чтоб у нас его встречали
Честь по чести у двора.
А как выпьет, — чтоб качали
И кричали бы «ура».

Эта вещь — уж будь надежен! —
Нам знакома всем была.
Но одна оплошность все же
И у нас произошла.

Не смекнули мы вначале,
Не сумели оценить:
Мы качать его качали,
Но... забыли уронить...

1947

СКАЗОЧКА ПРО БАБКУ И ДЕДКУ,
ПРО МОРКОВКУ И РЕПКУ

(По белорусским мотивам)

1

Распахали землю,
Всыпали подкормку.
Дед посеял репку,
Бабушка — морковку.

Дед сказал: — Земелька
Взбита мягче пуха.
Нынче с урожаем
Будем мы, старуха.

2

Вот уж скоро осень,
Лето на исходе.
Дедка с бабкой вместе
Бродят в огороде.

Только что же это? —
Боже ж ты, мой боже! —
Репка на морковку
Очень уж похожа.

Бабка глянет: — Репка! —
Дед в ответ: — Морковка! —
Бабка скажет: — Глебка! —
Дед ответит: — Бровка!

Все село сбегалось, —
Спорили, галдели,
Но проникнуть в тайну
Так и не сумели:

То ли это — репка,
То ли, нет, — морковка.
То ли это Глебка,
То ль, напротив, — Бровка.

И своей старухе
Дед сказал чуть слышно:
— Бабушка, родная,
Что же это вышло?!

ЗАСТОЛЬНАЯ БЕСКОНЕЧНАЯ

(На все случаи жизни)

- 1 Это знают все давно, —
Спорить мы не будем, —
Что и водка и вино
Вред приносят людям.
«Водку пить — себя губить» —
Говорит пословица.
И тому, кто любит выпить,
Ох, не поздоровится.
Но раз уж собрались мы вместе
По случаю Нового года, —
Придется по маленькой выпить, —
Другого не видно исхода.
Давайте ж, товарищи, выпьем,
Коль праздник сегодня такой.
А чтоб не обидеть хозяев, —
Пожалуй, нальем по другой.
- 2 Это знают все давно, —
Спорить мы не будем, —
Что и водка и вино
Вред приносят людям.
«Водку пить — себя губить» —
Говорит пословица.

И тому, кто любит выпить,
Ох, не поздоровится.

Но раз уж пришли мы сегодня
На этот пирог именинный,
То выпить по чарке хмельного
Велит нам обычай старинный.
Давайте ж по маленькой выпьем,
Коль повод сегодня такой.
А чтоб не обидеть хозяев,
Пожалуй, нальем по другой.

- 3 Это знают все давно, —
Спорить мы не будем, —
Что и водка и вино
Вред приносят людям.
«Водку пить — себя губить» —
Говорит пословица.
И тому, кто любит выпить,
Ох, не поздоровится.
Но раз уж собрались мы вместе
По случаю Первого мая,
То выпить — хотя б понемногу —
Обязанность наша прямая.
Давайте ж по маленькой выпьем,
Коль праздник сегодня такой.
А чтоб не обидеть хозяев, —
Пожалуй, нальем по другой.
- 4 Это знают все давно, —
Спорить мы не будем, —
Что и водка и вино
Вред приносят людям.
«Водку пить — себя губить» —
Говорит пословица.

И тому, кто любит выпить,
Ох, не поздоровится.

Но раз уж собрались мы вместе
По случаю свадьбы богатой,
Нельзя обойтись и подавно
Без этой водицы проклятой.
Давайте ж по маленькой выпьем,
Коль повод сегодня такой.
А чтоб не обидеть хозяев, —
Пожалуй, нальем по другой.

5 Это знают все давно, —
Спорить мы не будем, —
Что и водка и вино
Вред приносят людям.
«Водку пить — себя губить» —
Говорит пословица.
И тому, кто любит выпить,
Ох, не поздоровится.

Но раз уж собрались мы с вами
Отметить в семье прибавленье,
То выпить, конечно, придется, —
В том нет никакого сомненья.
Давайте ж по маленькой выпьем,
Коль повод сегодня такой.
А чтоб не обидеть хозяев, —
Пожалуй, нальем по другой.

6 Это знают все давно, —
Спорить мы не будем, —
Что и водка и вино
Вред приносят людям.
«Водку пить — себя губить» —
Говорит пословица.

И тому, кто любит выпить,
Ох, не поздоровится.

Но раз уж собрались мы вместе
И праздник Октябрьский встречаем,
Но тут — совершенно понятно —
Нельзя ограничиться чаем.
Давайте ж по маленькой выпьем,
Коль день наступает такой.
А чтоб не обидеть хозяев, —
Пожалуй, нальем по другой.

7 Это знают все давно, —
Спорить мы не будем, —
Что и водка и вино
Вред приносят людям.
«Водку пить — себя губить» —
Говорит пословица.
И тому, кто любит выпить,
Ох, не поздоровится.

Но раз уж собрались мы вместе
И сдан в институте экзамен,
То это, друзья дорогие,
Вы все понимаете сами.
Давайте ж по маленькой выпьем,
Коль случай сегодня такой.
А чтоб не обидеть хозяев,
Пожалуй, нальем по другой.

8 Это знают все давно, —
Спорить мы не будем, —
Что и водка и вино
Вред приносят людям.
«Водку пить — себя губить» —
Говорит пословица.

И тому, кто любит выпить,
Ох, не поздоровится.

Но раз уж собрались мы вместе
Под этою дружеской кровлей,
Нельзя нам всамделе не выпить
По чарке за наше здоровье.
Давайте ж по маленькой выпьем,
Коль случай сегодня такой.
А чтоб не обидеть хозяев, —
Придется налить по другой.

9 и т. д.

31 декабря 1948 г.

ХОЛЕСТЕРИН

*Семейная повесть о том, как у меня в крови было
обнаружено
повышенное количество холестерина,
и что после этого произошло.*

Это все случилось нынешней зимой.
Я пришел из поликлиники домой,

Я принес жене¹ анализы свои:
Посмотри, мол, на бумажки на син...

Как взглянула на анализы жена,
Как взялась меня отчитывать она!

Всё словами медицинскими —
Непонятными, латинскими:

Дескать, что же ты наделал, бесов сын,
Для чего же ты развел холестерин?

От него же начинается склероз,
От него же получается тромбоз,

От него болит и печень у людей, —
Для чего ж ты накопил его, злодей?!

¹ Жена автора и героя стихотворения — врач.

Нет, уж я теперь тебя не пощажу:
На такую на диету посажу,

На такую, на придуманную мной,
Что и запах-то забудешь ты мясной;

Не увидишь ты у собственного рта
Даже рыбы, даже рыбьего хвоста!

Таково мое решение, гражданства!
Будешь знать, как разводить холестерин!..

В общем, ради долголетия
Очутился на диете я.

Друг за другом — непрерывные —
Потянулись дни безрыбные,

Безмясные, бесколбасные, —
Скажем попросту — злосчастные.

Наступило время грустное —
Випегретное, капустное,

Время просто невозможное —
Простоквашное, творожное,

Крупяное да молочное, —
В общем, очень худосочное...

Я не жил, а только маялся,
То раздумывал, то каялся,

То ругался, то печалился
И в конце концов отчаялся.

Тяжела была трагедия.
Но... спасла энциклопедия.

Нужный том я положил себе на стол,
Все, что надо мне, скорехонько нашел,

И прочел заметку длинную
Про напасть холестеринную.

Я прочел про это пакостное зло,
И на сердце просветление нашло:

Из заметки я узнал секрет один —
Растворяется в спирту холестерин!

Ну, а если растворяется,
Значит, водка одобрется,

Значит, это не такая уж беда
И полезно, значит, выинить иногда...

Так я вывел заключение
Относительно лечения...

Декабрь, 1951

НАПИСАЛ БЫ Я СТИХОТВОРЕНИЕ...

Посвящается тем начинающим поэтам, которые все свои надежды возлагают на помощь литературных консультаций и которые сами не работают над собой сколько-нибудь серьезно

Написал бы я стихотворение
И послал бы сразу же в печать.
Только вот какое затруднение:
Я не знаю, как его начать.

Как начать и чем заполнить — тоже,
И какой в нем должен быть финал...
Быть бы мне немножко помоложе —
Я б пошел в газету или в журнал.

Я б пошел, как многие другие,
Что идут, поэзию любя,
Но за опусы свои плохие
Укоряют все же не себя.

Я б пошел: Мол, дело не выходит,
Плохо развивается талант,

Потому что очень уж подводит
Ваш литературный консультант.

Никогда он не подскажет сразу,
Не умеет объяснить никак:
Где какую нужно ставить фразу,
Где какой уместен будет факт;

Где какие образы, идеи
Надо поощрять и утверждать,
Где подходят — как их там?.. — хорея,
Где с хореем лучше обождать...

Ставит он одну и ту ж задачу:
Сами, мол, дойдите до всего...
Ну, а он-то для чего назначен?
Нам работать, что ли, за него?!

Он ведь здесь поставлен специально
И обязан потому как раз
Знать приемы творчества детально,
Чтоб ввести в литературу нас...

И еще б добавил я, пожалуй...
Впрочем, нет. Все это — ерунда.
Даже в юности подобных жалоб
Не носил я, братцы, никуда.

Я писал и хуже, может статься,
Но искал я собственный свой путь.
И на мудрость разных консультаций
Всех надежд не возлагал отнюдь.

Я писал, и если, между прочим,
Все ж не получалось ничего, —
Я других за это не порочил,
А ругал себя лишь одного.

Не чужим работал я умением,
А свое по капле записал...

Написать бы мне стихотворенье,
Но как будто я уж написал.

1952

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ НА КНИГАХ

Г. С. ФЕДОСЕЕВУ¹

Вот итог
поэтической долгой страды!
Это все, что я в ГИХЛых местах
прошлым летом с надеждой посеял.
И в надежные руки твои
я сегодня вручаю плоды,
Гавриил мой Сергеевич Федосеев.

Ты посмотришь, понятно,
и мне по заслугам воздашь, —
Я большое питаю
к тебе уважение:
Хорошо мне известны
и вкус твой, и опыт, и стаж,
И сугубо критическое
положение.

16 августа 1931 г.

¹ Г. С. Федосеев — литературный критик

Н. СЕМЕНОВУ

(последнему секретарю Всероссийского общества
пролетарско-колхозных писателей — ВОКПК)

Стихов моих лирический стакан
Я нес тебе, далекий путь протопав, —
Тебе — последнему из могикан,
Последнему вождю из племени прокопов¹.

19 мая 1932 г.

¹ Прокобы — так в шутку называли пролетарско-колхозных писателей (про-ко-пы).

АЛЕША, Я СКРЫВАТЬ НЕ СТАНУ...

А. Суркову¹

Алеша, я скрывать не стану, —
К чему скрывать, зачем таить,
Что мой художник в обезьяну
Меня задумал превратить.
И он с поспешностью пожарной
Осуществил свой план коварный, —
Он напечатал мой портрет:
Смотрите, мол, каков поэт!
Меня в таком он подал виде,
Что не забудешь целый век.
И третий раз уж снится Лиде
Пещерный, страшный человек.
И просыпается она
Немого ужаса полна.

28 октября 1950 г.

Москва

¹ Надпись на книге: М. Исаковский. Избранное. Государственное издательство художественной литературы. Москва, 1950.

А. К. ТАРАСЕНКОВУ¹

(Надпись на подаренной ему книге)

Для Вашей библиотеки огромной
Я приготовил этот томик скромный.
У Вас поэты собраны различные —
Районные, столичные, фабричные,
И пухлые, и совершенно тощие,
И средние, и всяческие прочие...
Короче, Вам не занимать умения.
И все ж во мне живет одно сомнение:
В свои шкафы Вы взять готовы всякого,
Но отношение к ним — неодинаково:
Одних Вы так и этак величаете,
Других же к переплету пазначаете;
Вы лично сами тех переплетаете,
Кого совсем отжившими считаете.
И потому — хоть ткань у Вас добротная —
Меня пугает Ваша переплетная:
А вдруг в тиски я Ваши попаду?!
Ей-богу ж, совершенно пропаду!

17 сентября 1952 г.

¹ Покойный критик А. К. Тарасенков, как известно, много лет подряд собирал книги стихов, написанных на русском языке. В результате у него образовалась уникальная библиотека русской поэзии. Собранные книги А. К. Тарасенков сам же и переплетал.

ЭПИГРАММЫ

Л. АВЕРБАХУ

доклад которого на пленуме правления РАПП
длился пять часов

Мы все сегодня обалдели, —
Никто к такому не привык:
На непрерывную неделю
Он переводит свой язык.

22 сентября 1929 г.

Москва

ОБ ЭПИГРАММАХ А. БЕЗЫМЕНСКОГО

Топ — крикливый.
Рифма страшно звонкая.
Бьют они противников безбожно.
В них прозня —
Такая тонкая,
Что заметить даже невозможно.

Безыменский эти эпиграммы
Продает в Москве на килограммы.

11 августа 1930 г.

Смоленск

КРЕСТ

В ГИХЛе вышла очень плохая
повесть под названием «Крест».

Есть у тебя, страна родная,
Еще немало ГИХЛых мест,
Где люди, грамоты не зная,
Умеют только ставить крест.

1932

ОБ ОДНОМ НАЧАЛЬНИКЕ

С него бы надо так спросить,
Чтоб все он понял разом:
Мол, шляпу можешь не носить,
Но голову — обязан!

О СДВИГАХ В РАБОТЕ

Какой народ у нас теперь пошел!
И впрямь писать с любого можно книги:
Иной работник передвинет стол
И говорит, что происходят сдвиги...

1933

ЧТО Ж ПОДЕЛАТЬ

(Автоэпиграмма)

Что ж поделать — не гожусь я в классики, —
Я устроен, видимо, не так:
Нет ни дачи у меня, ни пчелки,
Ни машины, ни цепных собак...

1945

Переделкино

Аллея Мрачных классиков

СЛУШАЯ РАДИО

Ошибка диктора

Наверное, диктор ошибся опять,
Концерт объявляя камерный.
Мне кажется, правильней было б сказать:
Не камерный вовсе, а каменный.

Пианисту Ц — ну

(исполнявшему свои произведения)

Число талантов — ей-же-ей! —
Едва ли он собой умножит.
Но рыбу музыкой своей
Глушить с большим успехом сможет.

1948

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПЕСНИ

1941—1945

Я вырос в захолустной стороне	7
Нели две подруги...	8
До свиданья, города и хаты...	11
Наказ сыну	12
Перед боем	14
Зима в Чистополе	15
В огне заводы...	17
Мы шли...	19
Старик	21
Не у нас ли, подруженьки...	23
Прощальная	26
Калина	28
Летели на фронт самолеты...	32
Слово гнева	34
Ночь	37
В прифронтовом лесу	39
Ой, туманы мои...	41
Отцовский дом разграблен и разрушен...	42
Мстители	45
Припомним, друзья и подруги	47
Старик Печай	51

Урожай	54
Здесь похоронен красноармеец	56
Оттуда	57
«Крутится, вертится шар голубой...»	60
Огонек	64
Письмо по радио	66
Одна дорога есть у нас	70
Партизанка	73
1943 год	78
Украина моя, Украина!	80
Освободителям Ельни	82
Здравствуй, Смоленск!	83
Есть во Веходском районе...	85
Слушайте, товарищи...	88
Где мой дом?...	90
Белорусская песня	92
Живи, советская отчизна	94
Примите меня, вековые дубравы...	95
Новогодний тост	98
Песня про «Катюшу»	100
Советскому воину	102
Возвращение	103
Рассказ про Степана и про смерть	106
Смоленск	111
Слово о России	113
Где ж вы, где ж вы, очи карие?	116
Девичья песня	117
Живет у нас в поселке...	118
Лучше нету того цвету...	119
Ласточка	121
В новогоднюю ночь	122
Опять печалится над лугом...	124
Весенняя песня	126
Русской женщине	127

Враги сожгли родную хату...	130
Услышь меня, хорошая...	132
Снова замерло все до рассвета...	133
Газете «Правда»	134

Четверостишия

1. «Встают над Камою радуги...»	135
2. «Бой кончен. Пушки присмирели...»	135

1946—1967

Письмо землякам	136
Зелена была моя дубрава	140
Из чистопольских записей	142
Пробилась зелень полевая...	143
По росистой луговой...	144
Слава народу	145
На смерть М. И. Калинина	146
В дни праздника	147
Москва	149
В поле	151
На перекрестке	152
Грай мой смоленский...	154
Разговор на крыльце	156
Мы совет не раз держали	161
Детство	163
Хорошо весною бродится...	166
Мы с тобою не дружили...	167
Стоит ветла унылая...	168
Песня о Родине	169
Летят перелетные птицы...	177
Песня трудовых резервов	179
Делегатам XI съезда комсомола	180
На реке, реке Кубани...	182
Каким ты был, таким остался...	184
Ой, цветет калина...	186

Золотая звезда	188
Осеннее	189
Наташа	190
Вечная слава	192
За тебя, Москва ты наша славная	193
Страна моя...	194
Выйди в поле...	196
Дуб	197
Дума о Ленине	198
Да будет светел каждый час...	200
Слово о мире	201
Черемуха	203
Пионерский лагерь на Смоленщине	205
На празднике Октябрьской годовщины...	207
Посмотрю я в это утро раннее...	209
В летнем поле, в спелом жите...	210
Мне весною тракторист...	211
Волго-Дон	213
Встреча старых друзей	214
Новый Свет	215
Наша партия	217
Льноводки	219
Соперники	222
Три ровесницы	225
В дорогу!	227
25 октября 1917 года	228
Только клеп	230
Тост	231
Фотограф	232
Ленин	233
Слава Родине	234
Я в жизни всем тебе обязан	235
Опять играют два баяна	237
В дни осени	238

Город мой...	240
Касатка	242
На заречьи, прошлым летом...	243

ФЕЛЬЕТОНЫ, ЭПИГРАММЫ, ШУТКИ

Разговор с редактором	247
О луне	248
Война с тараканами	250
Формула любви	253
Старушка	256
Наш священник	257
О некоторых деревенских поэтах	
1. Письмо в редакцию от поэта Ивана Без-	
удержного	258
2. Молодой поэт...	260
«Медный гость» в редакции	262
«Одемяненный» поэт	264
Записки председателя сельского Совета о путях сооб-	
щения	265
Роман	268
Родственники	270
Как на станции Агрыз валенки выдавали	272
Однажды вечером	275
Философы из второго района	273
Не для меня пришла весна...	280
Школьники	231
Писательская застольная	282
Поросята	284
Ой, ругала я судьбу...	288
Камешки	290
«Все хорошо»	294
Послание директору Литфонда Г. Б. Хесину от поэтов	295
Зубы	297

Случай из жизни П. М. Казьмина	303
Поэт и яйцо	304
И. Н. Розанову	306
А. Суркову	307
Оплошность	308
Сказочка про бабу и дедку, про морковь и репку	310
Застольная бесконечная	312
Холестерин	317
Написал бы я стихотворенье...	320

Дарственные надписи на книгах

Г. С. Федосееву	323
Н. Семенову	324
Алеша, я скрывать не стану...	325
А. К. Тарасенкову	326

Эпиграммы

Л. Авербаху	327
Об эпиграммах А. Безыменского	327
Крест	323
Об одном начальнике	328
О сдвигах в работе	328
Что ж поделывать...	329
Слушая радио	
Ошибка диктора	329
Пианисту Ц—ну	329

Михаил Васильевич

ИСАКОВСКИЙ

Собрание сочинений, т. 2

Редактор К. Платонова

Художественный редактор

Ю. Боярский

Технический редактор

Л. Засеяева

Корректор М. Муромцева

Сдано в набор 8/XII-1967 г. Подпи-
сано в печать 5/VII 1968 г. А05369.

Бумага типографская № 1 70 × 108¹/₃₂.

10,5 печ. л. 14,7 усл. печ. л.

9 696 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз.

Заказ № 991. Цена 1 р. 25 к.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Ленинградская типография № 2

имени Евгении Соколовой

Главполиграфпрома

Комитета по печати при Совете

Министров СССР.

Измайловский пр., 29.

1p. 25r.